Master Negative Storage Number

OCI00049.12

S-v, V

Kniaz' Zolotoi

Moskva

1890

Reel: 49 Title: 12

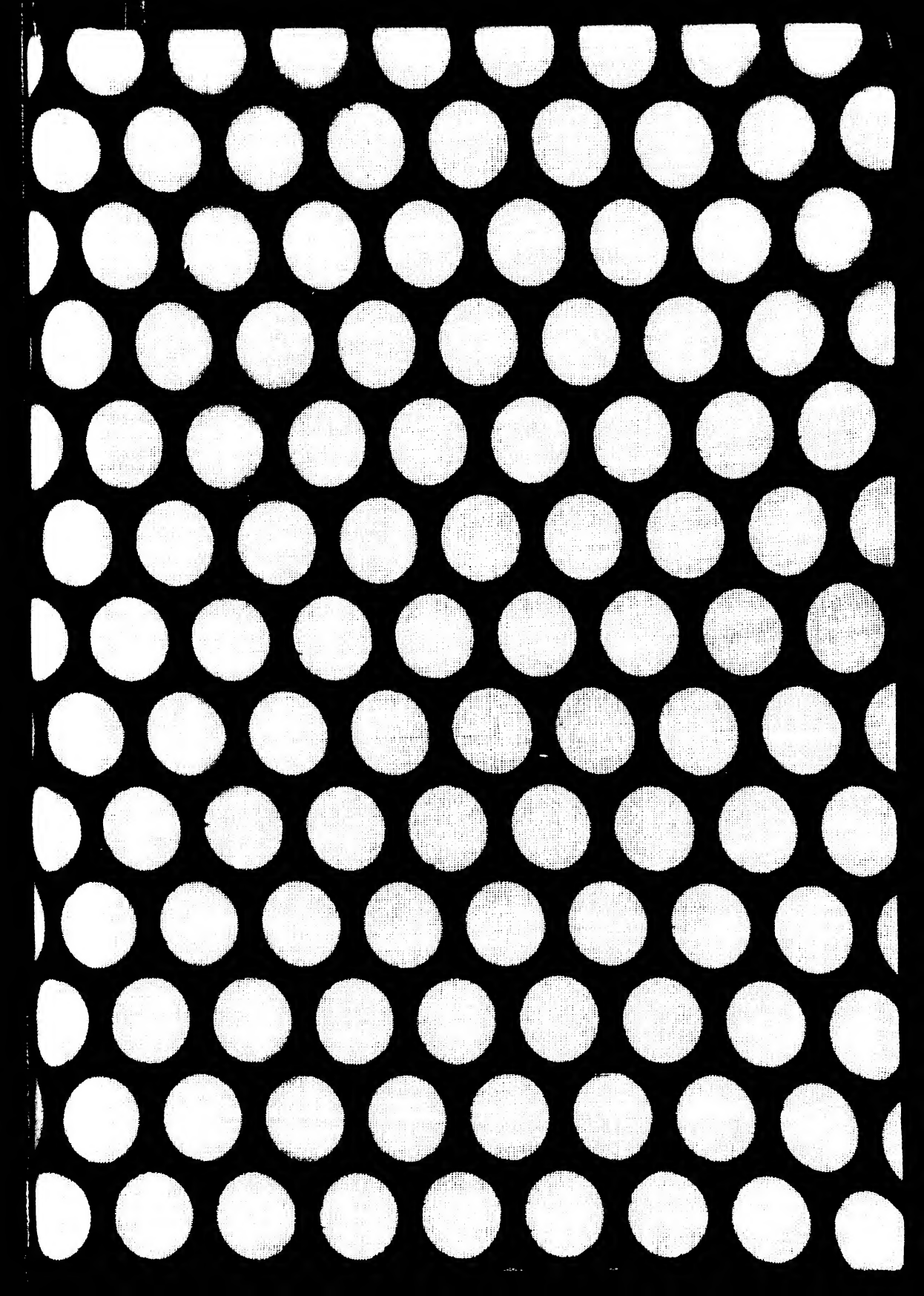
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00049.12

Control Number: BGM-2309
OCLC Number : 24865835
Call Number : W 381.5917B S1
Author : S-v, V.
Title : Kniaz' Zolotoi : poviest' iz vremen tsaria Ioanna Groznago / V. S...v.
Edition : Izd. 7.
Imprint : Moskva : Tip. V. IA. Barbei, 1890.
Format : 96 p. ; 18 cm.
Subject : Ivan IV, Czar of Russia, 1530-1584 Fiction.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10.28.94
Camera Operator: CS



КНЯЗЬ ЗОЛОТОЙ.

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ

ІОАННА ГРОЗНАГО.

В. С. . . . . въ.

Изданіе седьмое.

МОСКВА,

1890.

№ 96

Дозволено цензурою. Сентября 24 дня 1889 года. Москва.

Тип. В. Я. Барбей. Арбатъ, бл. Ар. бор., д. Платонова.

W 381.5917B S1

ГЛАВА I.

Москва за триста лѣтъ. Бояринъ Кручина. Приготовленіе къ вѣнцу. Свадебный обрядъ. Пиръ.

Тому назадъ ужъ будетъ триста лѣтъ, какъ начинается нашъ разсказъ. Много было не по нашему, не по новому жили люди по обычаю старинному, который шелъ испоконъ вѣку, по преданію, отъ прадѣда къ правнукамъ. Не любили, наши дѣды давніе, обычаевъ иноземныхъ, въ сторонѣ жили отъ нихъ, называли ихъ нѣмецкими, духу русскому противными, непригожими.

Разъ просвулось солнышко въ яркій день іюльскій, тысяча пятьсотъ шестьдесятъ восьмаго года выкатилось оно изъ-за темнаго бора сосноваго и покатилось по синему небу надъ златоглавой Москвой. Не то была она, что теперь. Высокая стѣна окружала Кремль, гдѣ виднѣлись верхи царскихъ палатъ съ теремами, блистали на солнышкѣ златокованныя главы церквей Божіихъ, Далѣе шла Красная площадь, гдѣ высились бревенчатыя хоромы царскихъ

бояръ и сановитыхъ людей, съ тесовыми крышами, обнесенныя высокими дубовыми заборами съ крѣпкими воротами за которыми тянулись городскія службы кладовыя и обширные сады съ огородами. Въ окнахъ этихъ хоромъ блистали на солнцѣ разноцвѣтная слюда вмѣсто стеколъ, а стѣны и ставни были разукрашены писаными пѣтухами, павлинами и разными звѣрями. Подальше виднѣлся Китай-городъ съ красивыми рядами деревянныхъ лавокъ, а тамъ —Земляной городъ, гдѣ жили мѣщане, рабочіе люди въ черныхъ избушкахъ, съ бычачьими пузырями въ окнахъ, съ соломенными крышами и безъ трубъ. Направо раскинулось Замоскворѣчье и все это вмѣстѣ тонуло среди густыхъ садовъ зелени и тучныхъ луговъ въ которыхъ въ лѣтнее время снимался богатый покосъ воздухъ оглашался сотнями здоровыхъ голосовъ косцовъ и работницъ. Широкой зеркальной лентой крутилась Москва-рѣка среди города и принимала въ себя тихо текущія рѣчки Неглинную и Яузу съ ихъ ручьями, на которыхъ дрожали живые мосты и работало, гремя и шумя, нѣсколько мельницъ и крупчатокъ.

Въ этотъ день, когда христіанскій людъ началъ подыматься и приниматься за свои обычныя работы, по городу стали раздаваться крикливые голоса разнощиковъ съ калачами сайками, сбитнемъ, блинами, а воздухъ дрожалъ подъ звучными трелями разныхъ пташекъ,

которыя безчисленными кучами щебетали и кричали въ густыхъ кущахъ орѣшника, липъ, яблонь и черемухи, изъ скрипучихъ воротъ выходили коровы, овцы, свиньи и съ мычаньемъ, ревомъ и блеяньемъ угонялись въ луга,— тогда въ богатомъ домѣ дворянина, Андрея Лукича Кручины, было необыкновенное движенье.

Съ ранняго утра по широкому двору сновали ключники, ключницы и другіе слуги; кладовыя—то отворялись, то затворялись, а въ господской кухнѣ стряпали и готовили лакомыя кушанья, въ погребахъ наливали пиво, разные меды, романею и заморскія вина въ огромныя яндовы, въ широкія братины. Въ господскихъ свѣтлицахъ шла не меньшая суматоха. Въ большой избѣ накрывали бранной скатертью дубовый столъ, ставили на немъ большой каравай ржанаго хлѣба и соль въ массивной серебряной солоницѣ, затепляли свѣчу воску яраго передъ иконами въ переднемъ углу. Хороша и нарядна была свѣтлая изба. Полъ былъ гладко выстроганъ, выскобленъ, тесницы плотно приходились другъ къ другу, такъ что не видать было ни одной щелинки. Стѣны обтянуты были лощеной кожей, на которой были расписаны, какъ и на потолкѣ цвѣты позолотой. Свѣтъ сквозилъ сквозь слюдовыя стекла, а по бокамъ стѣнъ тянулись дубовыя скамьи, накрытыя дорогими коврами. Тамъ же виднѣлись поставцы и полки, на

которыхъ стояла разная дорогая посуда: серебряные и золотые кубки, представлявшіе то павлиновъ, то лебедей, то какихъ то неизвѣстныхъ звѣрей, между ними виднѣлись чашки, тарелки и огромныя мисы. Нечего сказать, любилъ Андрей Лукичъ показать гостямъ свое довольство и богатство, которыми не обдѣлилъ его Господь въ земной жизни.

Медленнымъ шагомъ вошелъ въ свѣтлицу сѣдой Андрей Лукичъ, въ богатомъ парчевомъ кафтанѣ, съ собольей шапкой въ рукахъ. Лицо его было почтенно и важно, бородка ловка подстрижена, а какъ лунь сѣдые волосы кудреватыми прядями спускались на его когда-то могучія плеча. Онъ помолился на образа, поклонился три раза въ землю, потомъ на всѣ четыре стороны, окинулъ зоркимъ окомъ все и проговорилъ слугамъ:

— Сходите за хозяйкой.

Взошла она. Это была старенькая старушка. Когда-то прекрасное лицо ея теперь было сморщено, въ глазахъ свѣтилась доброта и тихая покорность своей судьбѣ и мужу господину, а станъ былъ сгорбленъ годами.

Боярыня была одѣта въ дорогой сарафанъ старую ея голову покрывалъ парчевой кокошникъ, унизанный жемчугомъ, и на ногахъ были сафьянные, желтаго цвѣта башмаки на высокихъ каблукахъ. Перекрестившись на иконы она низко поклонилась своему родному мужу,

сложила на груди руки, подперевъ одной изъ нихъ свой подбородокъ, и вопросительно глянула на Андрея Лукича.

— Все ли готово? сказалъ онъ.

— Все, батюшка, Андрей Лукичъ.

— Такъ пора бы и дѣвку снаряжать.

Старуха хотѣла было выйдти, но мужъ остановилъ ее и продолжалъ:

— Постой... ну что она?

— Все по прежнему, родной, тоскуетъ и плачетъ.

— Экая упрямая!..

— Нѣтъ, родимый, тутъ что-нибудь да не такъ. Исхудала моя голубушка, не ѣстъ ничего да причитаетъ: «лучше бы разразилась мать сыра земля, чѣмъ идти мнѣ замужъ за немилаго, постылаго»...

Брови боярина сморщились и онъ сурово молвилъ:

— Такъ что же это выходитъ по твоему?

— Да то, видно ее голубушку испортили недобрые люди, а то и я сама диву далась, какъ можетъ, не приглянуться Василисѣ женихъ: и дороденъ-то онъ, сама она видѣла, когда онъ былъ у насъ, въ щелочку его показывала я, умомъ уменъ и знатью и богатствомъ взялъ...

— Ахъ, нѣтъ ли ужъ у ней зазнобушки? перебилъ ее мужъ, но старушка мгновенно

оживилась, глаза ее блеснули и она почти сердито проговорила:

— И не моги этого думать, Андрей Лукичъ! Не на то я породила и воспитала мою доченьку, чтобъ дожить до этого сраму—безъ воли и благословенья нашего спознать кого, не безчесть и не суди такъ ее, голубушку! Видано-ли слыхано-ли дѣло, чтобъ дѣвка до замужества могла видѣть посторонняго, опричь отца съ матерью. Да и гдѣ ей было видѣть кого, или говорить—коли я съ нея глазъ не спускала, всюду была вмѣстѣ, а коли не здоровилось—то приказывала смотрѣть за ней мамѣ... Нѣтъ, нѣтъ, Лукичъ, выкинь ты эту дрянь изъ головы и не моги думать этого!

— Но отъ чего же она упирается? Отъ чего въ ней нѣтъ, какъ слѣдуетъ по закону, добнаго покорства и смиренія родительской моей волѣ?

— Я уже сказала, что должно быть порча; а другое дѣло и то Лукичъ, она, голубушка, молода еще молоденька; не хочется ей заплетать косу русую, убирать ее подъ повойникъ, хочется пожить на волѣ съ роднымъ отцомъ, матерью, а не въ приказѣ у чужаго человѣка... дѣло дѣвичье, глупое, неразумное ни знаетъ своего суженнаго, страшно ей подумать о житьѣ бытьѣ съ невѣдомымъ человѣкомъ...

— Чего тутъ бояться, коли я знаю князя Золотаго и сказалъ ей что онъ добрый человѣкъ, породы хорошей...

— Онъ все такъ, да страшно. да и вотъ еще что я молвлю: ужъ такая примѣта есть коли дѣвка до вѣнца болѣе выплачется, то счастливѣе будетъ жизнь ея въ замужествѣ, притомъ слезы и тоска теперь не стыдное дѣло, плачетъ дѣвица, значитъ видятъ добрые люди, что любо было жить ей въ родительскомъ домѣ. что холилъ, лелѣялъ ее родной батюшка, да родимая матушка,.. нѣтъ, не гнѣвись на Василисиньку, Андрей Лукичъ, не перечитъ она своимъ плачемъ волѣ твоей родительской, твердо помнитъ она заповѣдь великую почитай волю отца съ матерью.

Такъ говорила старая мать, выходя изъ свѣтлицы и стараясь увѣрить своего мужа въ полномъ повинованіи и покорности дочери, которую онъ просваталъ за знатнаго боярина князя Золотаго. Съ давнихъ поръ оба рода были въ дружбѣ и давно порѣшили главы ихъ породниться между собой Но дѣло вышло какъ то не ладно, когда Кручина объявилъ своей дочери избраннаго имъ жениха; сильно закручинилась, запечалилась, она, бросилась отцу въ ноги и просила не выдавать ее за князя. но бояринъ былъ таковъ, что разъ промолвилъ то слово его было свято, и ничто въ свѣтѣ

не могло заставить его отказаться отъ него, Просьба дочери гнѣвила его; гнѣвомъ сильнымъ опалился онъ на нее и грозно вымолвилъ:

— Слушай, дочь строптивая! говорится въ посаніи: «чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно: чти отца своего и матерь, тоже есть первая заповѣдь, во обѣтованіи, да благо ти будетъ, но человѣкъ, иже аще злорѣчитъ отцу своему и матери своей — смертію да умретъ.« Я, родитель твой, и выбралъ тебѣ мужа, слово мое законъ и противленіемъ не гнѣви меня, не злоречъ; не угашай свѣтильникъ твой, да не найдетъ на тебя клятва моя.

Подняла молодая дочь свои ясныя очи на отца, но во взорѣ его увидала такую твердость, такую непреклонность воли, что дрогнуло ея сердце, а слова, которыя готовы были, казалось, слетѣть съ ея губъ, такъ и замерли на устахъ.

Поднялась она, тихо склонила голову на бѣлую грудь, пошла прочь и промолвила:

— Господи, подай силу вынести великое горе!

Теперь въ ея дѣвичьемъ теремѣ шли приготовленія къ ожидаемому вѣнцу, который долженъ былъ совершиться послѣ обѣденъ. Въ небольшой свѣтлицѣ, съ двумя маленькими оконцами, на столѣ и на скамейкахъ ле-

жали наряды. Господи! чего тутъ не было: и жемчужныя ожерелья, перевитыя нитками съ алмазами, и золотыя запястья съ яхонтами и кокошники, унизанныя дорогими каменьями, серьги съ бриллiантами. монисты, лѣтники, ферязи изъ штофныхъ матерiй, съ золотыми пуговицами или съ застежками изъ сердоликовъ, топазовъ и изумрудовъ. Свѣтлица была полна дѣвушками и женщинами; первыя пѣли прощальныя пѣсни, а вторыя суетились около невѣсты. Василиса Андреевна, такъ звали ее, была высокая, полногрудая, стройная дѣвушка. Роскошныя русыя косы почти до полу разсыпались по плечамъ и спинѣ. Лицо ея было симпатично и красиво. Широкiя брови дугою окружали ея глаза, которые были закрыты длинными рѣсницами, но когда она по временамъ окидывала все своими очами, то какъ будто все становилось веселѣе и яснѣе: столько въ нихъ было силы и миловидности; Носъ и ротъ были таковы, что любой художникъ взялъ бы ихъ для классическаго изображенiя. Но на ея щекахъ не алѣлъ румянецъ, онѣ были покрыты блѣдно-матовой блѣдностью: губы ея слегка дрожали и во всей ея фигурѣ проглядывала горькая тоска и унылость. Она сидѣла на скамьѣ и машинально позволяла дѣлать надъ собой, что хотѣли, не принимала, казалось, никакого участья въ окружающихъ ее хлопотахъ, была неподвижна какъ

статуя и не слыхала ни пѣсенъ, ни причитаній.

— Вотъ это, это-то монисто и надѣнь на боярышню, хлопотала мама, подавая одной изъ одѣвающихъ превосходые рукава.

— Хороши и эти, Мареа Мартемьяновна, говорили женщины.

— Ну и то; а ужъ запястья надѣньте вотъ эти—золотыя съ алмазами.

Надѣли запястья. Мама взяла длинныя серьги и ожерелье съ яхонтами.

— Вотъ на-те, вдѣньте ихъ въ ушки моей голубушкѣ, да повѣсьте на лебяжью шейку это ожерелье. Когда и это все было исполнено, надѣты были и лѣтникъ и сарафанъ, косы были перевиты и украшены жемчужными нитками, а на голову было наброшено легкое покрывало и всѣ невольно залюбовались красавицей, то одна изъ дѣвушекъ вскрикнула.

— Господи! далъ же ты человѣку такую красоту!

Охъ, еслибъ знала дѣвушка что творится въ груди красавицы, не вымолвила бы этого словечка. Не мила ей, въ эту минуту ея дивная красота й думала красавица.

— Не на радость мнѣ горѣли краснымъ румянцемъ молодыя мои щеки; на горе себѣ

цвѣла я розаномъ. Какъ развернулся и вдругъ увялъ отъ мороза, такъ свяну и я... горькая горькая моя доля!.. Буду я, бѣдная, жить въ немиломъ домѣ, не прижму къ груди своей друга милаго, убѣжало отъ меня счастье далеко.

И слезы невольно подступили къ ея горлышку, томили и душили ея. Въ это время въ свѣтлицу взошла старая мать, остановилась въ дверяхъ. любящимъ окомъ осматривая свою дорогую дочь. Глянула и красавица на нее. Не могла сдержать глубокаго, затаеннаго своего горя и горькимъ восклицаніемъ бросилась къ родной, пала ей на грудь, обвивъ шею своими бѣлыми руками.

— Родимая моя матушка, рыдая, говорила дочь:—зачѣмъ породила ты меня горемычную на бѣлый свѣтъ! Зачѣмъ вскормила, вспоила меня, зачѣмъ выходила, выростила. Горькая млада младешенька, уведутъ меня изъ дома милаго, оторветъ чужой человѣкъ отъ родимаго сердца... Раступися ты мать сыра земля проглоти меня горемычную, безталанную! Укрой мою бѣдную головушку, схорони на вѣкъ отъ недобрыхъ людей, чужой-дальней сторонушки,

И горячія слезы капая на грудь матери, казалось, прожгли ее до самаго сердца, и старая склонилась къ ней своей головой, и сердце ихъ затосковало вмѣстѣ.

Въ то время, когда происходило все это въ хоромахъ Кручины, въ концѣ узкой и пыльной улицѣ, ведущей къ его дому, показался жениховъ поѣздъ. Впереди шли скороходы, саженнаго роста гайдуки и били въ бубны длинными вощагами, разгоняя глазѣвшія толпы народа и громко крича:

— Сторонитесь, крещеные люди, сторонитесь, князь ѣдетъ.

Всѣ были одѣты въ атласные кафтаны, отороченные позументомъ, въ высокихъ бараньяхъ шапкахъ. За ними, блистая золотомъ и драгоцѣнными камнями и серебромъ, ѣхалъ женихъ, окруженный дружками, знакомыми, друзьями, за которыми тянулись многочисленная свита приживальщиковъ и разной челяди.

Женихъ, князь Золотой, былъ почти гигантскаго роста и сложенъ богатыремъ. Лѣтъ ему было далеко за тридцать. Русыя его кудри выбивались изъ подъ парчевой шапки съ алмазнымъ перомъ, которое разноцвѣтными огнями переливалось на солнцѣ. Окладистая, до самаго пояса борода, красиво растилалась на его мощной груди. Лицо было чисто русское, съ нѣсколько широкимъ носомъ, съ голубыми глазами, въ которыхъ виднѣлась доб-

рота, откровенность и русское удальство сознаньемъ своей мочи и превосходства. Брови князя слегка сходились и придавали ему какое-то грозное выраженіе и мужество. На немъ былъ малиноваго цвѣта, съ низкимъ воротомъ бархатный кафтанъ, застегнутый четырьмя алмазными пуговицами. Изъ подъ него виднѣлся воротъ бѣлой шелковый рубашки, который былъ унизанъ драгоцѣнными каменьями, а подолъ обшитъ золотомъ. Подъ княземъ былъ караковый конь горной породы на которомъ, вмѣсто чепрака, раскинута была медвѣжья шкура съ огромными золотыми кистями по концамъ. Конская сбруя сплошь была набрана изъ серебряныхъ бляхъ, а наголовникъ горѣлъ отъ алмазовъ, яхонтовъ и изумрудовъ. Конь храпѣлъ подъ княземъ, крутилъ свою лебединую шею, волной подымалъ длинную густую гриву, пугливо поводилъ глазами и широко раздувалъ ноздри, но сдерживаемый могучей рукой всадника, шелъ мѣрной поступью и въ нетерпѣніи только грызъ удила. Одинъ изъ дружекъ князя, не менѣе богато одѣтый, съ перевязаннымъ на груди ручникомъ крестъ на крестъ, ѣхалъ впереди шести челядинцевъ которые на золотомъ блюдѣ несли бѣлый каравай, пуда въ три вѣсомъ.

Подъѣхавъ къ воротамъ будущаго тестя князь и провожатые всѣ сошли съ коней и

пѣшкомъ пошли къ крыльцу, гдѣ съ низкимъ поклономъ встрѣтилъ гостей хозяинъ и повелъ ихъ въ большую избу. Помолившись, гости и женихъ разсѣлись вокругъ стола, на одной изъ скамей, но новобрачный сѣлъ поодаль. Распахнулась дверь и показалась невѣста съ провожатыми. Покрытая роскошнымъ покрываломъ и поддерживаемая съ одной стороны матерью, а съ другой знакомой боярыней, она медленнымъ шагомъ подошла къ жениху и была посажена рядомъ съ нимъ. За ней, напротивъ пріѣхавшихъ, размѣстились ея родные и знакомые. Наступила мертвая тишина. Прошло минуты три. Поднялся Кручина и его старая жена. Первый взялъ образъ Пресвятой Покровительницы, въ дорогомъ окладѣ, а вторая—хлѣбъ. Встали съ своихъ мѣстъ женихъ; поднялись родные и гости. Князь Золотой и боярышня подошли къ старикамъ, три раза поклонились въ землю, приложились къ образамъ, поцѣловали руку отца съ матерью, и во время послѣдняго обряда вдругъ зазвенѣли по избѣ звонкіе голоса молодыхъ дѣвушекъ, которые пѣли:

Кланяйся, дѣвица,
Кланяйся красная
Низехонько въ землю,
Въ самыя ноженьки
Родному батюшкѣ
Кланяйся, дѣвица,
Еще ниже матушки родимой!
Ей бо ты ближе къ родимому сердцу

Кончилась пѣсня и всѣ вышли на крыльцо, гдѣ уже дожидались роскошныя колымаги и верховые кони. Разсѣлись, и все гремя, звеня и шумя быстро помчалось въ церковь. Пока происходилъ обрядъ, въ домѣ все принимало иной видъ. Въ большой избѣ накрывали длинные столы, на дворѣ еще сильнѣе шла суматоха. Старая мама, Маремьяновна, она же и старшая ключница, а по нашему экономка, бѣгала словно помѣшанная и кричала на челядь:

— Ахъ батюшки мои, отцы родные! холопей—кажись тьма, а настоящіе олухи, ни въ одномъ проку нѣтъ!

— Ну что ты разинулъ ротъ, коровьи глаза! крикнула она на дюжаго парня, стоящаго безъ всякаго дѣла, али ты не знаешь своего дѣла? Пошолъ, посыпай дворъ пескомъ да подъѣздъ хмѣлемъ!.. А ты что, дурачина, не готовишь ржи и овса—осыпать чѣмъ будутъ молодыхъ? крикнула старуха на проходящаго мимо ея холопа и бѣгущаго съ чѣмъ-то въ людскую:—эки олухи! эки озарники! Погоди, скажу ужо, такъ доберется до тебя бояринъ!

— Да полно горячиться, Мареа Маремьяновна, проговорилъ дворецкій, подходя къ ней: успѣешь еще все сдѣлать.

— Успѣемъ, успѣемъ, — да вѣдь время-то не ждетъ!

Въ подобныхъ разговорахъ и хлопотахъ прошло съ часъ времени, какъ послышалися звонки и сторожевой во все горло крикнулъ:

— Ѣдутъ!

На дворѣ вмигъ все утихло. На крыльцѣ появилась мама и дворецкій. Около первой женщины держали плетушки съ разнымъ хлѣбомъ, хмѣлемъ, а второй держалъ кису съ мѣдными и серебрянными деньгами. Едва молодые показались, какъ на нихъ полетѣлъ дождь изъ ячменя, ржи, хмѣля, а дворецкій усыпалъ путь пригоршинами денегъ, приговаривая.

— Дай вамъ Боже, любовь и согласіе, богатство и изобилье; плодъ бо вашъ множился какъ сѣмяна земныя!

Молодые взошли въ избу и на порогѣ съ образомъ ихъ встрѣтили старики.

— Милости прошу, дорогіе гости, проговорилъ Кручина, низко кланяясь, отвѣдать моего хлѣба-соли.

Всѣ взошли въ свѣтлицу и начали размѣщаться около столовъ, на которыхъ кромѣ хлѣба, вина, уксусу, соли и перцу ничего не было. Новобрачные помѣстились за отдѣльнымъ столомъ, стоящимъ на возвышеніи гдѣ лежалъ коровай хлѣба, да двѣ деревянныя ложки, оправленныя въ золото и перевязанные красной лентой. Лицо молодой было теперь открыто. Отецъ самъ снялъ съ нее по-

крывало и она вся блѣдная и дрожащая склонила свою голову на хлѣбъ. Молодой мужъ взялъ ее и поднялъ, но лишь отнялъ руки, какъ она снова наклонилась. Онъ поднялъ голову еще два раза и только тогда молодая княгиня глянула своими очами въ лицо мужа а потомъ обвела всѣхъ гостей. Начался обѣдъ. Всѣхъ кушаньевъ, разносоловъ, жаренныхъ, сахарныхъ городовъ, кулебякъ и т. п. было болѣе ста. Все подавалось въ золоченыхъ мискахъ, на серебряныхъ блюдахъ. Разносились они по парно, сначала къ хозяину, который разсылалъ ихъ гостямъ. Слуги не переставали наполнять кубки виномъ; а гости не переставали пить, заставляя подслащать вино звонкими поцѣлуями молодыхъ, которые однако не дотрогивались до пищи, сидѣли молча и не подвижно. Долго тянулся брачный обѣдъ, подъ звуки бубенъ и дудокъ, развеселились гости, подъ вліяніемъ выпитаго вина; многіе дошли до того, что тутъ же и скатывались подъ столъ, и засыпали крѣпкимъ сномъ. Бережно вытаскивали ихъ слуги и относили въ приготовленныя на этотъ разъ опочивальни. Не обошлось и безъ крупныхъ словъ, которыя къ концу стола стали раздаваться все громче и громче. Но вотъ поднялся Кручина и звучнымъ голосомъ молвилъ.

— Дорогіе гости, пора князю и княгинѣ на спокой.

Всѣ встали. Въ это время близкій родственникъ новобрачной быстро кинулся къ ней, сталъ около нея и свахи, и взялъ, заранѣе приготовленную саблю, началъ грозить князю убійствомъ, приговаривая:

— А и дорогъ товаръ! не подходи, молодой князь, не дамъ тебѣ молодую сестру коли не дашь ты за нее золотаго выкупа.

Какъ ни старался мужъ подойти къ молодой, но встрѣчая вездѣ остріе сабли, наконецъ, досталъ свою кису, которую поднесли ему на золотомъ блюдѣ и высыпалъ золото на столъ. Тогда только отступился отъ нея защитникъ. Всѣ вышли въ сѣни. Молодой быстро вскочилъ на своего коня и лишь только жена занесла ножку на подставку колымаги, какъ онъ, подскочивъ къ ней, взмахнулъ надъ головой жены три раза шелковой плетью съ алмазной рукояткой и слегка коснувшись до спины, проговорилъ:

— Покидай, жена, родимые норовы, да бери мои!

Тронулся поѣздъ и гости. Подъѣхавши къ княжескому дому, который находился на берегу Москвы-рѣки, весь поѣздъ былъ встрѣченъ домашними князя точно такимъ же образомъ, какъ и въ первый разъ, а въ сѣняхъ гремѣла музыка. Мужъ ввелъ жену въ свою свѣтлицу; здѣсь подскочила къ ней самая мо-

лодая, самая рѣзвая свашка, подхватила ее подъ бѣлыя руки и увела въ опочивальню.

Черезъ часъ вышелъ къ своимъ гостямъ молодой съ веселымъ лицемъ, и тутъ то началось новое гулянье и пированье, новая пляска и гулянье На широкомъ дворѣ были выкачены для желающихъ цѣлыя бочки хмѣльной браги и меда, поставлены быки и бараны. И такъ то въ старину гуляли по нѣсколько дней, пили, плясали и другихъ не забывали, заставляя веселиться.

ГЛАВА II.

Князь Золотой. Правосудный воевода. Витязь въ плѣну у татаръ. Удаль. Опала царя.

Но пора ознакомиться намъ и съ самимъ княземъ Золотымъ. Звали его Иванъ Владиміровичъ. Былъ онъ знатный и удалой бояринъ пользовался милостью царскою, не обиженъ былъ и богатствомъ. Много было у него селъ и вотчинъ, не мало паслось въ степяхъ и табуновъ, а кладовыя полнѣли золотомъ и дорогими мѣхами; погреба заморскими винами, а амбары и закромы зерновымъ хлѣбомъ.

Много и людей было, которые кормились княжескимъ хлѣбомъ, не говоря объ огромной дворнѣ; на его счетъ жили толпы различныхъ

жильцовъ боярскихъ дѣтей и шутовъ, которыхъ въ то время любили у себя держать для забавы знатные люди. Всѣхъ онъ ихъ кормилъ, поилъ, одѣвалъ и одаривалъ.

Полюбился князь и царю за свою удаль, прямоту и чесность. Послалъ его царь на воеводство, а въ то время такія мѣста были привольныя да сытныя. Воеводы много въ два года, пріѣхавъ на свои мѣста съ тощими карманами. возвращались назадъ съ возами полными всякаго добра; но князь былъ не таковъ и строго гналъ взяточниковъ, дьяковъ и другихъ чиновниковъ подчиненныхъ, если замѣчалъ въ нихъ кривду и нечестность Въ острастку всѣмъ онъ на первыхъ нарахъ, изловилъ дьяка во взяткѣ съ истца, приказалъ вылить въ пудъ вѣсомъ мѣдную деньгу и носить ему всякій разъ на шеѣ, когда онъ находился на своемъ дѣлѣ, да велѣлъ поставить его на правежъ и вытребовать съ виновнаго, все что онъ нажилъ съ просителей. И долго несчастному дьяку приходилось ходить съ тяжелой ношей на шеѣ, стоять на правежѣ и терпѣть удары прутомъ по голой ногѣ, пока не выплатилъ своего лихоимнаго долга. Въ другой разъ поплатился и сутяга. Былъ ему долженъ одинъ посадскій рублей двадцать. Сутяга бралъ съ него тройные проценты, но этимъ не удовольствовался и требовалъ уплавсей суммы. Бѣднягу принудили къ уплатѣ,

но сутягѣ показалось и этого мало; вотъ и подалъ онъ новую челобитную, въ которой говорилъ: «я де несчастный, потерпѣлъ отъ неплатежа долга большія убытки и сущее разоренье своего живота. Когда бы деньги у меня были цѣлы я купилъ бы двухъ коровъ, а коровушки народили бы мнѣ телятокъ; теленочки выросли бы, народили бы другихъ, я бы сиротина, ихъ продалъ, а на деньги купилъ бы домокъ, обулся, одѣлся, взялъ бы женку, прижилъ бы съ ней дѣтокъ, себѣ работниковъ, а царю-государю добрыхъ слугъ. Смилуйтесь, государи, за такіе мои великіе убытки, а его провинности, взыскать тысячу рублевъ, либо животы его мнѣ отдать». Сунулъ, подмазалъ кому слѣдуетъ, дѣло пошло въ ходъ бѣдняку хоть и въ воду, да только добрые люди надоумили его и послали къ новому воеводѣ. Выслушавъ его, князь и молвилъ.

— Ступай, друже, себѣ съ Богомъ, а я разберу дѣло.

Онъ ушелъ, а князь къ сутягѣ на дворъ. Пріѣхалъ невзначай, да и давай свидѣтельствовать, что у него есть и какъ было дѣло. Вышло все наружу; оказалось что сутяга давно уже женатъ и достатокъ накопилъ большой. Князь подумалъ и за облыжную челобитную присудилъ взыскать съ бѣдняка тысячу въ пользу сутяги, а за его неправды и утѣс-

ненья отдать его все имущество посадскому. Вышло такъ, что сутяга испугался да и согласился лучше выплатить тысячу рублей, чѣмъ лишиться всего своего имущества. И съ тѣхъ поръ до самаго окончанія воеводства князева всѣ побаивались притѣснять ближняго и судиться неправильно. Но продолжалось это не долго. Случился татарскій набѣгъ и въ стычкѣ, обманомъ, невѣрные увели князя въ полонъ. Привели его къ самому хану. Понравился ему витязь и началъ онъ смущать его, обольщать перемѣнить вѣру Христову, принять мусульманскую и сдѣлаться его мурзой.

— Одѣлю, говоритъ онъ, всѣмъ богатствомъ и почестью тебя, будь только нашимъ. Плюнулъ князь и съ гнѣвомъ молвилъ

— Былъ бы при мнѣ добрый мечъ мой да будь я свободенъ, такъ и повернулъ бы я весь Крымъ вверхъ ногами, а не то что вашу вѣру принять.

Заскрежеталъ зубами ханъ, грозно взглянулъ на смѣльчака и сказалъ:

— За такой отвѣтъ посажу я тебя въ темницу, буду голодомъ морить и какъ собаку ледящую уморю.

Бросили витязя въ башню. Прошелъ день, мѣсяцъ, и наскучило ему сидѣть въ душномъ едикулѣ среди крысъ и мышей, питаться черствымъ сухаремъ, лежать на гнилой соломѣ.

Вотъ помолился онъ Богу, да заступнику чудотворцу Николаю, собрался съ силой, выломилъ желѣзную рѣшетку у окна своей темницы, разрѣзалъ свой тюфякъ на ремни и съ помощію ихъ спустился внизъ*). Ночь была темная; она помогла незамѣтно пробраться ему между стражи къ глубокому рву, а переплывъ его удалецъ былъ уже на свободѣ. Но вѣроятно онъ погибъ бы въ степи отъ голода и нужды, а можетъ быть и опять попался бы въ плѣнъ, да къ счастью его, на ту пору, ворвались въ Крымъ удалые запорожскіе казаки. Онъ съ ними встрѣтился, присталъ къ русскимъ витязямъ, да сообща съ ними и отмстилъ свое безчестье, и долго его именемъ жены татаръ пугали своихъ расплакавшихся дѣтей, а наѣздники донимали пугливыхъ коней. Бывало лишь конь татарина поведетъ глазами, навостритъ пугливо уши, какъ наѣздникъ посмотритъ во всѣ стороны и молвитъ коню, отпуская поводья:

— Ужъ не русскаго ли богатыря, ты мой конь ретивый, примѣтилъ въ степи? Нѣтъ не пугайся, товарищъ, далеко теперь витязь Иванъ Золотой и не грозитъ его сабля смертію намъ? смѣло лети и рѣзвись въ степи.

---

*) Это дѣйствительный случай. Такъ хотѣлъ уйдти одинъ изъ казацкихъ гетмановъ.

И пуститъ коня во всю конскую мочь, чтобы стряхнуть съ себя тяжелую думу.

Весело вернулся князь на милую родину и милостиво принятъ былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Вотъ отпразновалъ онъ и свою веселую свадьбу; цѣлый годъ уже прошелъ съ тѣхъ поръ, а онъ не наглядится, не намилуется на свою ладушку, да и она на него: ласкова и угодлива къ нему, тиха и скромна, ни въ чемъ неперечитъ, кладетъ за него земные поклоны, но только порой чѣмъ-то мрачнымъ мутятся ея мысли и невольный вздохъ вылетаетъ изъ ея груди. Но князь ничего этого не замѣчаетъ, и живетъ себѣ весело, какъ вдругъ надъ его головой стряслась бѣда не малая, откуда онъ не ждалъ и не чаялъ грозы. Наложилъ на него опалу великій государь А опалился онъ на князя вотъ за что: позвалъ царь князя къ своему государеву столу и указалъ ему мѣсто ниже однаго боярина, новаго своего любимца. Князю Золотому показалось безчестно сидѣть ниже боярина, родъ котораго былъ хуже его по разряднымъ книгамъ. Онъ поблѣднѣлъ, затрясся и рѣшился лучше голову на плахѣ сложить, чѣмъ наложить поруху чести своего рода и твердо сказалъ:

— Невмѣстно мнѣ, великій государь, сидѣть ниже его. Дѣды и отецъ мой несли воеводскую и ратную службу твою честно да и я, холопъ твой, не мало пролилъ крови за

тебя. Но что сдѣлалъ бояринъ? онъ угодилъ тебѣ лестью да страцой и родъ его всегда былъ ниже и худороднѣе нашего. Вели казнить меня, надежда царь, но я не приму поношенія своего.

Грозно взглянулъ на него государь, глаза его метнули молнію и онъ проговорилъ:

— Доколѣ будете вы препираться родами? Я царь и се пастырь вамъ, моя воля указывать вамъ мѣста. Иванъ, не прекословь мнѣ, да не опалю тебя своимъ гнѣвомъ и не поставлю въ примѣръ прежде добраго слугу моего другимъ, дабы и другіе слышавши и видѣвши гнѣвъ мой, убоялись.

Но князь стоялъ на своемъ и говорилъ:

— Вотъ голова моя, государь, но я не сяду ниже его.

Царь затрепеталъ и приказалъ приставамъ насильно посадить на указанное мѣсто. Тѣ исполнили цареву волю, но Золотой, лишь только они отошли отъ него, скатился подъ столъ и оттуда продолжалъ кричать, что не осрамитъ себя. Его вытащили и вторично посадили, князь повелъ плечами, пристава отскочили и онъ брякнулся на полъ.

— Въ тюрьму его, а завтра выдать головой боярину! крикнулъ Грозный.

Его увели. На другой день привели князя подъ руки чрезъ городъ къ крыльцу счастливаго соперника; народъ толпами смотрѣлъ на

его униженіе, указывалъ пальцами, но онъ твердо вынесъ свое поношеніе; молча выслушалъ слова боярина, который выйдя на крыльцо, держалъ рѣчь приставамъ, благодарилъ за милость государеву, звалъ ихъ къ себѣ въ хоромы и потомъ съ той же просьбой обратился къ князю, чтобы онъ отвѣдалъ его хлѣба-соли, но тотъ гордо поднялъ свою могучую голову, нахлобучилъ на себя боярскую шапку и гнѣвнымъ голосомъ обругалъ боярина, назвавъ его поросенкомъ и псомъ.

Донесли объ этомъ царю и онъ прогналъ князя съ своихъ очей, и не велѣлъ появляться до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ него царскаго гнѣва. Таковъ былъ характеръ князя и понятія того времени о боярской чести, что не очень по нраву было царю, который видѣлъ въ этомъ и вредъ государству.

Опальный князь не хотѣлъ теперь оставаться въ Москвѣ и удалился въ свои далекія степныя вотчины на югѣ. Князь мнилъ, что онъ не понесъ порухи своей чести, но зачастую и самъ видалъ, и самъ охуждалъ, когда во время войны воеводы начинали спорить изъ-за мѣстъ, спорили о старшинствѣ, стояли на одномъ мѣстѣ, упускали время, а врагъ между тѣмъ пользовался этимъ, подкрадывался да и побивалъ на голову русскую рать.

ГЛАВА III.

Рѣка Ока.—Молодая боярышня.—Охотникъ Соколъ.—Испугъ.—Печальная встрѣча.—Невольное признаніе.

Въ то время крайній рубежъ Руси на югѣ была многоводная Ока; на лѣвомъ берегу, ея еще были селенія, укрѣпленные города, а съ праваго же начинались степи, служащія кочевьемъ разныхъ полудикихъ племенъ и путемъ вторженія татаръ въ наше государство.

Помѣстье, куда ушелъ князь Золотой, находилось на лѣвомъ берегу Оки, въ пустынной малолюдной мѣстности, но онъ устроилъ его красиво и сдѣлалъ ее большимъ укрѣпленіемъ. Широкій дворъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ въ который былъ вбитъ толстый частоколъ. Предъ валомъ былъ сдѣланъ ровъ, наполненный водой. Внутри ограды на первомъ мѣстѣ виднѣлся боярскій домъ. Стѣны его были сложены изъ дубовыхъ толстыхъ бревенъ и срублены въ три жилья, а на самомъ верху высился женскій теремъ. Ставни были росписаны; крыша была тесовая ровная, гладкая, и съ трубой. Въ боярскіе покои вело крутое крыльцо, крыша котораго подерживалась круглыми столбами, изукрашенными искусной рѣзьбой. За домомъ, съ одной стороны, высилась небольшая деревянная церковь, а съ

другой ширился и густѣлъ садъ княжескій, высокія липы и дубы и сосны осѣняли его. Далѣе зеленѣли яблони, вишни и сливы; виднѣлись кусты алаго шиповника, краснѣли и чернѣли кистями смородина, а вдалекѣ, на открытомъ мѣстѣ, высились головы подсолнечниковъ. Надо всѣмъ этимъ носились и жужжали веселыя пчелы, снося медъ въ безчисленныя улья, которыхъ нельзя было видѣть за деревьями, на высокихъ липахъ звенѣли голоса маленькихъ птицъ, а въ некошенной садовой травѣ трещали тысячи кузнечиковъ. По бокамъ широкаго княжескаго двора шли господскія службы: кладовыя, сушильни, коптильни, людскія, конюшни и голубятня. Посреди высился огромный дубовый столбъ, глубоко врытый въ землю, а кругомъ него на толстой и крѣпкой цѣпи ходилъ большой ручной медвѣдь. Къ довершенію описанія этой мѣстности нужно упомянуть о боярской деревнѣ, которая прижималась къ высокому тыну и далеко разбрасывалась по холмистому берегу, представляя кучи мазонокъ безъ трубъ, обмазанныхъ глиной, крытыхъ соломой, а въ концѣ виднѣлась боярская мельница и начинался густой боръ.

Теперь былъ полдень. День былъ жаркій. Князь, какъ православный, спалъ послѣ обѣда въ своей опочивальнѣ. Онъ лежалъ на душистомъ сѣнѣ, которое было покрыто бѣлой

простыней, за полузакрытыми шелковыми занавѣсками. Могуче раскинулся гигантъ на своемъ ложѣ. Воротъ бѣлой холстинной рубашки былъ растегнутъ и широкая грудь, поросшая волосами словно мохомъ, была раскрыта и высоко поднималась. Жилистыя руки онъ закинулъ себѣ за голову. и окладистая его борода въ безпорядкѣ раскидывалась на груди. Шрамы на лбу и сдвинутыя брови придавали ему какое-то угрюмое вараженіе. Въ опочивальнѣ, его спало еще двое холопей: одинъ лежалъ на сѣнномъ тюфячкѣ около самой княжеской постели, а другой у дверей.

Когда отдыхалъ князь, то и всѣ живущіе въ его вотчинѣ предовались покою, и всюду наступала мертвая тишина; только въ отдаленномъ углу садовой чащи, гдѣ у вала росли дубы, слышались веселые дѣвичьи голоса. Въ этомъ мѣстѣ на травѣ сидѣла молодая княгиня, окруженная сѣнными дѣвушками. Она была одѣта въ шелковый лѣтникъ, застегнутый дюжиной золотыхъ пуговицъ. Широкіе кисейные рукава сверху локтя перехватывались яхонтовыми запястьями; въ ушахъ висѣли золотыя серьги съ изумрудами, спускавшіяся по самыя бѣлыя плечи Василисы Андреевны; а на головѣ красовался шелковый кокошникъ съ алмазными наклонами. Женщины были одѣты въ простыя крашенинные сарафаны и бѣлыя рубахи, у дѣвушекъ рос-

кошныя косы низко нисподали до самаго пояса, и въ концы ихъ были вплетены разноцвѣтныя ленты.

— Спойте, дѣвушки, спойте, милыя, говорила боярыня любимую мою пѣсню

— То, боярыня, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ, пѣсня грустная, не лучше ли повеселѣе?

— Нѣтъ, я люблю эту, спойте!

Составился кругъ и началась грустно жалобная пѣсня:

„Умираетъ добрый молодецъ, въ степи
Припекаетъ свои раны кровавыя
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ.
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣвую руку его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь;
Онъ, кончаясь, говоритъ коню;
Какъ умру я, мой добрый конь.
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго;
Побѣги потомъ во святую Русь;
Поклонись моимъ отцу и матери,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой женѣ,
Я въ приданое взялъ полѣ чистое,
Была свахою калена стрѣла,
Положила спать сабля острая.
Всѣ товарищи разъѣхались,
Всѣ друзья, братья меня оставили
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служишь мнѣ вѣрно до смерти...
Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется!
Сестра плачетъ, что ручьи текутъ,
Жена плачетъ какъ роса, падаетъ.
Взойдетъ солнце росу высушитъ.

Едва стали смолкать дрожащія трели въ воздухѣ какъ въ верху, надъ самыми ихъ головами, раздался жалобный крикъ цапли, а въ низу на полянѣ послышались веселые крики. Женщины взглянули въ высь. Тамъ быстро неслась птица, а за ней еще быстрѣе на перекосѣ мчался соколъ. Обѣ поднимались подъ прямымъ угломъ, но видно было, что бѣдной цаплѣ не уйдти отъ своего преслѣдователя. Вскорѣ тотъ и другая исчезли изъ глазъ но не прошло и пяти минутъ, какъ въ синевѣ показалась точка! она росла и вскорѣ завиднѣлась цапля, которая, сложивъ крылья какъ камень падала внизъ. Одно мгновеніе, и она среди женскаго кружка, а въ ту же минуту на нее яростно налетѣлъ кречетъ и началъ терзать. Поднялся крикъ.

Между тѣмъ толпа охотниковъ въ лощинѣ, видя, что соколъ съ своей добычей опустился въ саду и нейдетъ на кликъ, остановилась и одинъ изъ нихъ, отдѣлясь отъ прочихъ, стиснулъ своего буланаго аргамка ногами, бросился въ воду и переплывъ ровъ, началъ взбираться на валъ. Не смотря на крутизну— его конь горной породы, словно кошка карабкался вверхъ и прежде чѣмъ женщины могли замѣтить охотника; онъ уже стоялъ у высокаго частокола, приподнялся на стременахъ и жадными глазами впился въ красавицу княгиню, которая съ своими дѣвушками напрасно

старалась отогнать разъяренную птицу отъ своей жертвы.

Незнакомецъ былъ типъ красоты. Правильное блѣдноватое его лицо было опушено черными кудрявыми волосами, которые роскошными волнами выбивались изъ подъ его парчевой шапки. Слегка пробившіеся усы и небольшая, подстриженная борода придавали какое то мужественное выраженіе его лицу по которому слегка пробѣгала насмѣшка. Онъ былъ одѣтъ въ малиновое бархатное полукафтанье, безъ ворота и застегнутое тремя алмазными пуговицами, а полы его были вышиты золотыми узорами; богатый золотой поясъ охватывалъ его стройный станъ, шелковые яркаго цвѣта шаравары спускались на желтые сапоги изъ сафьяна, которые въ гибѣ охватывылись богатыми застежками. За поясомъ былъ заткнутъ длинный кинжалъ, осыпанный дорогими каменьями, а за спиной виднѣлся колчанъ съ стрѣлами и золоченный лукъ. По всему было видно, что незнакомецъ принадлежалъ къ знатному и богатому роду и дѣйствительно—это былъ князь Квашнинъ, любимецъ царскій, пріѣхавшій въ свои рязанскія вотчины, чтобы отдохнуть отъ придворной жизни. Нѣсколько минутъ онъ не отводилъ глазъ отъ боярыни; блѣдное его лицо нѣсколько разъ покрывалось краской, наконецъ онъ держась руками за заборъ и въ половину

приподнявшись на нихъ, проговорилъ звучнымъ и серебристымъ голосомъ:

— Не труди себя, Василиса Андреевна... Я сейчасъ отзову сокола!

Всѣ вздрогнули услыша голосъ его и обернулись, но увидя незнакомаго мужчину со всѣхъ ногъ бросились бѣжать въ разсыпную, осталась на мѣстѣ только одна княгиня, дрожащая, блѣдная, шепча про себя:

— Мать, Пресвятая Богородица, это онъ.. О. Господи помилуй меня!.. Что дѣлать мнѣ!

Смотря на нее неподвижнымъ взглядомъ Квашнинъ медленно проговорилъ:

— Такъ вотъ гдѣ ты, Василиса Андреевна! Отвѣчай: правду мнѣ сказали люди, когда я воротился изъ Ливоніи, что ты замужемъ?

Боярыня еще пуще поблѣднѣла и не отвѣчала. Квашнинъ продолжалъ:

— Га! такъ-то, боярыня, клялась ты передъ образомъ никому не принадлежать окромѣ меня? Такъ то я шесть лѣтъ въ землѣ вражьей только думалъ и молился, затѣмъ чтобы увидать тебя за другимъ? Грѣхъ тебѣ, Василиса Андреевна, загубила клятвой напрасно свою душу, погубила и меня добра молодца!

Голосъ его дрожалъ, Княгиня едва слышно проговорила:

— Василій Петровичъ, выслушай меня!

— А чего я тебя стану слушать... прости на вѣки боярыня!

И уйдти бы боярынѣ, убѣжать; тогда и дѣлу бы конецъ, но видно попуталъ ее лукавый, али не было удержу ея молодому сердцу, только она нескрылась а сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и умоляющимъ голосомъ проговорила:

— Василій Петровичъ, выслушай и суди! Князь дрогнулъ. Натянулъ поводья и остановился.

Задыхаясь начала боярыня:

— Василій Петровичъ, любились мы съ тобой безъ вѣдома родительскаго, а я безталантная, и не вѣдала, что давнымъ давно была просватана за князя Золотаго, моего теперь мужа. Ты уѣхалъ, прошло полгода и воротился въ Москву князь. Онъ былъ тогда въ чести и милости, показали ему меня и батюшка съ матерью, неспросясь меня, приказали за него идти. Какъ я не плакала, какъ не молила, меня не послушали и чуть не связанной выдали за немилаго... Не могла я ни чего подѣлать; грозили всѣмъ: и проклятьемъ, и вѣчной монашенской жизнью; заперли меня, горькую на ключъ, не давали окромѣ хлѣба и воды ничего. Билась, билась силъ не стало... теперь довольно, ты слышалъ все, объ одномъ прошу: не кляни меня!

И голосъ ея былъ такъ жалостивъ, такъ дрожалъ тоскливой струной, что слушая его невольно надрывалось у каждаго сердце. Ква-

шнинъ пытливо смотрѣлъ на нее, казалось-такъ и хотѣлъ пронзить ее своими жгучими очами. Наконецъ порывисто спросилъ:

—Не виновата ты боярыня... но, скажи; любишь ли ты мужа?

Еще пуще поблѣднѣла боярыня; жилы тряслись у ней, ноги подгибались.

— Отвѣчай, не мучь!

— Я мужняя жена тихо, но твердо отвѣчала она.

— Не въ томъ дѣло, отвѣчай на вопросъ

—Господь повелѣлъ любить и повиноваться ему!.. я клялась такъ.

— Что то злобное мелькнула на лицѣ Квашнина, и онъ проговорилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Василиса Андреевна, видно знать судьбина такая, съ горя сгибнуть мнѣ, но видитъ Богъ, а я по прежнему люблю тебя, прости! уйду и размычу свое горькое горе во чужой-дальней сторонкѣ; тамъ сложу свою буйную головушку, коли здѣсь не суждено намъ счастья.

Съ минуты онъ медлилъ, пылающій его взглядъ на сквозь прожигалъ бѣдное сердце молодой женщины и ему показалось, что будто она хочетъ броситься къ нему, онъ уже опять приподнялся и протянулъ руку, какъ боярыня тихо застонала, схватилась за грудь и опрометью бросилась бѣжать отъ опаснаго

мѣста. Квашнинъ злобно улыбнулся, позвалъ сокола, вскочилъ въ сѣдло повернулъ назадъ.

ГЛАВА IV.

Волненіе. Княжескій полдень. Мужъ. Любовь Князя.

Дѣйствительно: горькая была доля женская въ то суровое тяжелое время. Въ заперти сидѣла она въ красныхъ дѣвицахъ, не спросясь отдавали ее въ вѣчное замужество, не показывая ей друга милаго, и приходилось зачастую коротать бѣдной жизни съ немилымъ сердитымъ мужемъ. Тяжело ей было тяжелешенько жить за нимъ. Приходилось видѣть ей одного его, сѣнныхъ дѣвушекъ да холопей. Съ ранняго утра до вечера хлопотать по дому назначать кому ткать, а кому въ свѣтлицахъ убирать. Не съ кѣмъ было отвести свою душеньку, излить свою страду и погружалась мало по малу она въ безвѣстную и безцѣльную жизнь. Иной разъ засыхало какъ былинка, подрѣзанная въ чистомъ полѣ, а другой—тучнѣла, жирѣла и со всѣмъ тупѣла. Но худшее было не въ томъ: однообразная, замкнутая жизнь нерѣдко всасывала несчастную въ развратъ и она глубоко падала, позоря себя и честь семейную. Однако и среди нихъ къ славѣ того времени возникли такія натуры, кото-

рыя съ честью торжествовали надъ такой пустотой и пребывали чисты и непорочны и обуздывали свои страсти, клокотавшія огнемъ въ ихъ жгучей крови. Княгиня принадлежала именно къ этимъ избраннымъ натурамъ. Скрываясь отъ Квашнина, она твердила про себя:

— О, Господи укроти мой духъ! дай силу позабыть его... но что я говорю? я не могу, не смѣю даже мыслить о немъ, я ничѣмъ не нарушу вѣнчальнай клятвы своей; ни помысломъ, ни видомъ... удались сатана, не смущай меня!

Возволнованная, разгоряченная, она быстро вбѣжала въ свою свѣтлицу, бросилась передъ святымъ иконостатомъ, который тускло освѣщался вѣчной лампадой, и горячая молитва полилась изъ ея груди.

А въ это время князь Золотой проснулся и чувствуя жаръ подошелъ къ открытой ставнѣ, чтобы охладиться свѣжимъ вѣтеркомъ; потомъ, повернулся, ткнулъ ногой спящаго холопа и крикнулъ:

— Ониска, квасу!

Ониска старикъ лѣтъ пятидесяти, поспѣшно вскочилъ на ноги, подобралъ свой тюфячекъ и бросился исполнить княжье приказаніе, предварительно разбудивъ своего товарища въ дверяхъ. Когда онъ бѣжалъ по двору, изъ людской высовывались головы и тихо спрашивали:

— Всталъ самъ?

— Всталъ! торопливо и на ходу отвѣчалъ старикъ, слегка указывая на окно изъ котораго былъ видѣнъ князь и вскорѣ широкій дворъ началъ мало по малу оживляться. Изъ избъ высыпала многолюдная дворня; кто принимался играть въ сайку, кто шелъ дразнить медвѣдя, а двое мололцовъ изъ любви къ искуству, окруженные ребятами и бабами, начали биться между собой лбами, пробуя на споръ крѣпость и силу ихъ. Къ самому князю ввалилось десятокъ шутовъ, погремушками, въ остроконечныхъ шапкахъ, въ кафтанахъ, сшитыхъ изъ яркихъ лоскутовъ, съ бубенчиками наперерывъ, другъ передъ другомъ, старались разсмѣшить боярина, строя уморительныя гримассы, коверкаясь и кривляясь. Князь проснулся въ духѣ и весело смотрѣлъ на шутовъ смѣялся и подразнивалъ, что вскорѣ довело ихъ до озлобленной драки между собой, Натѣшившись ею и освѣживъ себя холоднымъ квасомъ со льдомъ, князь вышелъ на крыльцо, долго смотрѣлъ на борьбу парней съ косолапымъ и наконецъ какъ бы невыдержавъ, что не сыскивается ни одного человѣка повалить звѣря, онъ пожалъ плечами, потеръ руки и медленной поступью подошелъ къ столбу, При видѣ его всѣ разступились. Онъ взглянулъ на челядь насмѣшливымъ взоромъ и молвилъ:

— Дурни, не за что васъ и хлѣбомъ кор-

мить, нѣтъ молодца одолѣть этого котенка?!... Эй, Мишка, подойди ко мнѣ! обратился къ медвѣдю, и тотъ, узнавъ его, всталъ на заднія лапы, положилъ переднія на могучія плечи Золотаго, начали лизать и обнюхивать его, ласково ворча.

— А, а, Мишукъ веселъ... ну, ну разсердись, да попытаемъ силку! и онъ началъ его слегка одерживать. Сначала звѣрь, какъ будто не хотѣлъ схватываться, пятился но потомъ смекая, что этимъ не отвяжется ощетинился, приложилъ слегка уши и охватилъ князя своими страшными лапами. Но видно и бояринъ былъ медвѣжьей породы. Онъ крѣпко стиснулъ звѣря руками, такъ что тотъ взревѣль отъ боли и началъ гнуть его, стараясь опрокинуть на спину. Звѣрь крѣпился, силился, но не прошло и минутъ пяти въ борьбѣ, какъ онъ тяжело рухнулъ, и князь твердо стоялъ на ногахъ улыбался и говорилъ:

— Вотъ, дурни, учитесь, какъ нужно сваливзть медвѣдей а ты, Мишка не сердись, я и не такихъ боролъ... дать ему меду!

Князь отправился далѣе и прошелъ къ конюшнямъ. Много отличныхъ коней стояло тамъ и всѣ были вылощены, ухожены, только на бѣду онъ нашелъ безпорядокъ въ стойлѣ любимаго коня своего: не было тамъ засыпано овса аргамаку.

— Кто ходитъ за нимъ? обратился онъ къ главному конюху и въ голосѣ его, хотя и ровномъ, но прозвучала грозная нота. Конюха и слегка передернуло и онъ въ полголоса отвѣтилъ.

— Конюшій Лука, бояринъ!

— А! позвать его ко мнѣ.

Явился трепещущій Лука, здоровый дѣтина,

— Лука, прозвучалъ князь; какъ ты блюдешъ Тигра? На что ты конюхъ, коли не смотришь и не радѣешь за конемъ? Слушай Лука: я замѣчаю, что ты не радивъ, смотри, чтобы впередъ этого не было, а нынче для примѣру, чтобы всякому было вѣдомо, какъ радѣтъ за конемъ, я велю ботогами тебя отшлепать... на кобылу лѣтня, и полсотни въ спину!... живо!... сюда народъ!

Черезъ четверть часа совершилась операція и Лука почесывая спину, отвязанный со станка, повалился князю въ ноги и простоналъ:

— Батюшка, бояринъ, много доволенъ за науку, что внушилъ мнѣ разумъ глупому человѣку,

— Тото-же, смотря милостиво, отвѣтилъ князь теперь поди и скажи дворецкому, чтобы онъ отпустилъ тебѣ крѣпкаго меду, да ковшъ браги хлѣльной.

Онъ повернулся и пошелъ назадъ, между челядью слышались слова.

— Игрозенъ и милостивъ бояринъ! Служи

ему и благоти будетъ, не обидить! Что Лука обварился, да не што: на спинѣ не рѣпу сѣять, заживетъ до новыхъ бадогову, а теперь поди простудись съ боярскаго погреба.

— Да не это дорого, а страшна боярская милость да его отцовскій гнѣвъ, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Лука, направляясь къ погребу и нѣкоторые съ завистью посматривали на него, что онъ отвѣдаетъ меру хотя это удовольствіе не дешево досталось ему.

Между тѣмъ, осматрѣвъ все бояринъ возвратился въ свою опочивальню, гдѣ дожидался съ докладомъ его дворецкій. Князь тяжело сѣлъ на парчевую скамью, а слуга, отвѣсивъ низскій поклонъ, началъ:

— Княжеская твоя милость, староста Фролка да холопъ твой Ѳомка ходили на звѣря, его увидали. Ѳомка обробѣлъ, на дерево взобрался, а староста Фролка внизу остался, рогатину поставилъ и медвѣдя стравилъ. Уговоръ же былъ, дѣлить звѣря пополамъ, но теперь Фролка не хочетъ и всю шкуру себѣ проситъ. Какъ повѣлишь разсудить, бояринъ.

— Труса Ѳомку на конюшню, потомъ въ погребъ запереть и два дни ѣсть не давать и всѣмъ сказать: что де взяли за гужъ, не говори, что не дюжъ, а паче въ бою али въ напасти никто друга оставлять не смѣетъ. Старостѣ Фролкѣ, опричь шкуры выдать двѣ гривны изъ моей казны.

Дворецкій продолжалъ:

— Дѣвка Агашка плачетъ и воетъ, голосомъ причитаетъ, не хочетъ идти по указу твоему, за холопа Павлушку. Какъ повелишь?

— Дѣвка по пусту плачетъ. Бабья слеза что вода въ рѣшетѣ. Стерпится, слюбится, разсуждать она не можетъ Быть ей завтра за Павлушкой! а чтобы ее утѣшить, отпустить на свадьбу изъ моихъ людскихъ, да рубль денегъ на повойникъ молодой.

— Слушаю, началъ было дворецкій но въ это время вошла старая сгорбенная уже отъ страстей слѣтъ, княжеская мамка, выняньчавшая еще князя, уважаемая въ домѣ, опираясь на клюку, прошепелявила:

— Соколикъ ты мой, сидишь ты прохлаждаешься, а не чуешь, что твоей лебедкѣ что то попритчилось...

— Что такое? живо спросилъ князь и на его мужественнымъ лицѣ показалось безпокойство.

— А то, видно, увидалъ ее не добрый глазъ, да и попортилъ...

Князь вскочилъ.

— Слезы ручьемъ льются, продолжала мамка: головушка у ней разболѣлась, а тѣло бѣлое дрожитъ; и словно такъ въ огнѣ и горитъ... да ты, косатикъ, не пужайся, я уже распорядилась: умыла ее святой водицей,

вспрыснула съ угольковъ, думаю полегчаетъ и причта пройдетъ!

— Да пройдетъ-ли? безпокойно спросилъ князь, направился въ двери.

— Что будетъ къ утру, а то золотой мой голубь, истоплю я баньку, да и натру тѣло бѣлое виномъ настоеннымъ лукомъ.

— Не лучше ли, Еремѣевна, съ горохомъ?

— Ну ужъ ты, родной не перечь мнѣ, я знаю свое дѣло. Князь взошелъ въ женину свѣтлицу. Она лежала на кровати. Глаза были красны отъ слезъ; щеки горѣли вообще боярыня была сильно взволнована.

— Дитятко, что съ тобой! заботливо спросилъ ее князь.

— Ничего, господинъ мой, ничего, все пройдетъ: этакъ только струснулась что-то.

— О чемъ же грустить и кручиниться, моя лебедушка бѣлая или чѣмъ недовольна:

— Всѣмъ довольна все у меня много Успокойся, господинъ мой, къ утру же все пройдетъ.

И не сказала она ничего мужу; не промолвила, отъ чего сгруснулось ей, что навело тоску и кручину на ея молодое сердца. А князь глядѣлъ ей во всѣ глаза, словно любящея мать увивалася около нея; а выходя, разругалъ сѣнныхъ дѣдушекъ, что неумели они развлечь боярыню не могли ее. И крѣпко наказалъ, сказавъ, чтобы впередъ этого не было, а то не минуютъ его гнѣва, неумѣлыя, сошлетъ онъ

ихъ въ дальнія вотчины, одѣнетъ въ посконные сарафаны и не велитъ казаться на свои княжескіе очи. На этотъ вечеръ онъ созвалъ любимой своей забавы—хоровода дѣвокъ приказалъ прекратить всѣ и строго наказалъ, чтобы ни малѣйшій шумъ не дошелъ до ушей его боярыни, не потревожилъ и не безпокоилъ ее. Такъ онъ любилъ свою княгиню и дорожилъ ей. Для него она была пуще свѣтлаго его, ока, дороже жизни.

ГЛАВА V.

Князь Квашнинъ. Оргія. Пріѣздъ къ Золотому Поцѣлуйный обрядъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлать къ это время князь Квашнинъ. Угрюмый и невеселый воротился онъ къ своимъ охотникамъ, которымъ только подалъ знакъ рукой, повѣрнулъ коня и поѣхалъ домой. Всѣ удивились, что такъ внезапно прекратилась любимая княжецкая забава. Всю дорогу молчалъ князь и былъ погруженъ въ самаго себя. Думы одна другой мрачнѣе тѣснились въ его головѣ, но ни на одной онъ не могъ остановится и успокоиться. Поздно вечеромъ онъ возвратился въ свои хоромы и опустился на мягкія шелковыя подушки, совершенно не раздѣваясь. Нѣсколько

времени такъ полежалъ онъ, потомъ раздражительно оврикнулъ:

— Гей, кто тамъ!

Явился дворецкій, молодой парень; одѣтый очень щеголевато, по тогдашнему обычаю.

— Зеркало! крикнулъ князь.

Дворецкій подалъ его и стоя на колѣняхъ держалъ передъ нимъ. Князь нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ него и любовался собой, потомъ досталъ изъ кармана гребень и началъ разчесывать свои шелковистыя кудри и бороду. Потомъ вдругъ спросилъ:

— Красивъ ли я, Тихонъ?

— Да краше трудно и найти тебя, княжеская милость! отвѣчалъ дворецкій.

— А каковы брови?

— Соболиныя!

— А волосы, волосы-то!

— Что твой шелкъ, бояринъ.

— Руки и ноги-то?

— Словно дѣвичьи!

И изнеможенный сибаритъ началъ любоваться ими, точно въ первый разъ.

— А смогу ли съ сердцемъ женскимъ сдѣлать я все что, захочу?

— Трудно устоять, бояринъ, въ тебя и любой парень врѣжется.

Квашнинъ какъ-то нагло захохоталъ и внезапно крикнулъ, отталкивая дворецкаго.

— Плясуновъ и пѣсенниковъ!

Черезъ минуту явились тѣ и другіе.

— Други, заунывную! сказалъ онъ.

Грянула пѣсня протяжная, жалостливая которая такъ и надрывала душу. Въ ней высказывалось то глубокое отчаяніе, то страшная тоска и нескончаемое, неодолимое горе. Квашнинъ прислушивался къ ней. На лицѣ его, очень подвижномъ, ясно отражались всѣ изгибы и переливы пѣсни, но она не дошла до половины, какъ опять раздался его крикъ.

— Плясовую!

И зазвучала, и раскатилась, удалая, разгульная пѣсня. Потряслись боярскія палаты отъ топота и гиканья, гдѣ выказывалась вся размашистая, отчаянная натура русскаго, когда онъ перейдетъ границы сдержанности. А князь только и кричалъ.

— Ходи веселѣй!.. живѣй!.... Гей.... валяй удалѣй.... буди мертвыхъ... живо!.... Вина!.... хороводъ дѣвокъ сюда!

И расходился князь. Полилось вино, разгулялись тѣшильники, зазвенѣли женскіе голоса, и скоро все превратилось въ отчаянную, необузданную оргію. Далеко за полночь, когда уже стало свѣтать разгульный князь крикнулъ.

— Довольно, пошли вонъ!.. Михѣйку сказочника, ко мнѣ.

Точно по мгновенію волшебника страшный шумъ и гамъ вдругъ смѣнился мертвой тиши-

лой и Михѣйка, сидя въ ногахъ боярина, бойко говорилъ.

— «Зачинается сказка отъ сивки отъ бурки, отъ вѣщей каурки, на честь и на славу отеческому сыну удалому витязю, славному боярину, что всякія силы побиваютъ, а Бабу Ягу, деревянную ногу, что въ ступѣ ѣздитъ, метлой погоняетъ слѣдъ замѣтаетъ, съ печи бросаетъ, а смерда-холопа на привязи держитъ, а красную дѣвицу изъ подъ крѣпкихъ замковъ, изъ-подъ грозныхъ очей себѣ увозитъ...

— А есть ли у тебя такая, гдѣ говорится объ удаломъ молодцѣ, что онъ увозитъ законную жену отъ грознаго мужа? перебилъ его князь.

— Есть и такая, бояринъ!

— Разскажи ее!

— Сказочникъ откашлянулся, перевелъ духъ и началъ.

— «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, на ровномъ мѣстѣ, словно на боронѣ жилъ-былъ проживалъ могучъ славенъ богатырь. А въ томъ ли во царствѣ, въ славномъ градѣ Енитолѣ жилъ-былъ старый князь съ женой своей Кирбитьевной. А красавица она была, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Увидалъ ее добрый молодецъ и стала княгиня ему пуще жизни удалой. Сталъ богатырь за красавицей ухаживать, словно вьюнъ вится вокругъ нея; но не тутъ-

то было! она только и молвитъ ему. «Отойди, молодецъ, грозенъ мужъ у меня, старый Вахрамѣй, одного его боюсь и люблю, одному ему и слава отъ меня».— Долго думалъ богатырь, какъ тутъ быть, какъ своему горю пособить, да и надумалъ. Взялъ отборныхъ молодцевъ, подкрался къ дому князя Вахрамѣя, увидалъ какъ онъ ушелъ, а самъ на дворъ, во хоромы, схватилъ Кирбитьевну, да былъ таковъ. Исполать тебѣ, добрый молодецъ, сказала она: что съумѣлъ достать меня, я люблю тебя пуще князя Вахрамѣя, что не смогъ онъ меня уберечь, не съумѣлъ схоронить отъ удала-добра-молодца!»

— Отличная сказка, лучше непридумаешь, Михѣйка! сказалъ князь, начиная дремать и вскорѣ заснулъ подъ монотонные звуки сказочника.

Квашнинъ принадлежалъ къ глубоко развращеннымъ людямъ своего вѣка и при тогдашней грубой жизни еще рѣзче вырѣзывались дурныя стороны этого страстнаго и кипучаго характера. Живя въ развращенной средѣ, онъ не привыкъ ни въ чемъ себѣ отказывать, былъ самонадѣянъ, дерзокъ и препятствія еще болѣе увеличивали въ немъ желаніе ихъ уничтожить и покорить подъ свою волю. Но въ немъ звучали и добрыя струны, это вѣчная привязанность къ тому, къ кому разъ онъ привязался, если только его не отталкивали;

тогда она переходила въ неодолимую ненависть. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ, честно служа царю и въ битвахъ и переговорахъ, онъ постоянно думалъ о красной дѣвицѣ, оставленной въ родной сторонѣ и часто передъ нимъ мелькалъ ея образъ, и его мечъ сильнѣе разилъ и гналъ враговъ. Но вотъ онъ воротился и узналъ горькую для себя правду. Тоска охватила его, поддержать было некому, умъ былъ грубъ и не развитъ, кругомъ вѣяло хорошей, холодной жизнью и онъ пустился въ разгулъ. Сталъ гулять по цѣлымъ суткамъ, запилъ и пустился, что говорится, во все тяжкія, Онъ не зналъ, куда удалился опальный бояринъ, но теперь онъ случайно встрѣтился, съ боярыней и страсть прежняя, давишняя забурлила въ немъ съ новой силой, тѣмъ болѣе что князь узналъ о незабытой къ нему еще любви и самой Василисы Андреевны.

Прошло три дня. Князь золотой сидѣлъ въ одной изъ своихъ свѣтлицъ, которая была украшена изразцовой печью, а на каждомъ кирпичѣ былъ нарисованъ или звѣрь или цвѣтокъ (такія печи считались роскошью того времени); по стѣнамъ избы висѣло различное драгоцѣнное оружіе, шли дубовые полки, на которыхъ была разставлена посуда, кубки, въ затѣйливыхъ формахъ, и изображая то пѣтуховъ, то павлиновъ, а то какихъ-то неизвѣстныхъ, не бывалыхъ животныхъ, которыя

только существовали въ воображеніи нашихъ предковъ. Было около полдня. Въ небѣ виднѣлась прозрачная синева, тамъ кой-гдѣ, скользили дымчатыя облака, въ воздухѣ все было тихо, покойно и ни малейшій ветерокъ не пробѣгалъ по поверхности широкой Оки, не шелестилъ между зелеными листьями. Было-бы душно, еслибъ эту духоту не освѣжало близкое присутствіе воды, испускающіе изъ себя влагу. Князь Золотой былъ одинъ и читалъ священный псалтырь, когда въ свѣтлицу взошелъ старый дворецкій, и видя, что князь занятъ, почтительно остановился у порога. Князь Золотой поднялъ голову и посмотрѣлъ на слугу.

— Государь, сказалъ онъ, отъ рѣки подымаются въ гору какіе-то люди, и по всѣмъ примѣтамъ ѣдетъ то знатный бояринъ.

— Ко мнѣ?

— Потрудись взглянуть въ окно, твоя княжеская милость, если къ тебѣ ѣдетъ гость, на поворотѣ сейчасъ увидишь.

Князь взглянулъ въ отворенное окошко и проговоритъ.

— Сюда!... впереди ѣдетъ бояринъ... Михѣичъ, живо приготовь хлѣбъ соль и встрѣнь гостя, да чтобъ и вся дворня была на ногахъ.

Михѣичъ поспѣшно вышелъ, а князь кликнулъ слугъ и одѣлся въ богатое парчевое платье. Въ то время чѣмъ роскошнѣе былъ

пріемъ гостя, тѣмъ онъ считался радушнѣе и больше выказывалъ знатность и честь рода. Съ другой стороны и гости, чтобы выказать свою знатность, окружали себя всевозможнымъ блескомъ. Столичные бояре, бывъ въ провинціи, привозили туда съ собой и свои придворные обычаи. Боярскій поѣздъ приближался къ дубовымъ воротамъ княжеской усадьбы.

Впереди всѣхъ, по обычаю, ѣхалъ боярскій—глашатый изъ челядинцевъ и билъ плетью въ бубенъ, какъ бы возвѣщая всѣмъ встрѣчнымъ чтобъ они сторонились и давали дорогу знаменитому господину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него красовался князь Квашнинъ на вороном жеребцѣ, на которомъ сбруя блестѣла серебромъ и дорогими каменьями.

На Квашнинѣ былъ алый кафтанъ польскаго покроя, а изъ подъ ворота виднѣлся воротъ рубахи усыпанный алмазами. Кафтанъ на поясѣ ловко былъ перехваченъ цвѣтнымъ шелковымъ кушакомъ, концы котораго были обшиты золотой бахрамой, а на ногахъ были желтые сафьяныя сапоги съ вышитыми золотомъ и серебромъ голенищами, которыя красиво спускались въ складахъ, и въ нихъ были заправлены чернаго бархата штаны. По верхъ всего этого на плечи князя былъ накинутъ легкій опашень, изъ подъ котораго, виднѣлась и бряцала сабля въ дорогихъ ножнахъ. На головѣ Квашнина была надѣта легкая золотис-

тая шапка съ яхонтовымъ перомъ. Все въ немъ дышало отвагой, красотой и веселой молодостью.

За бояриномъ дворовые, конюхи вели попарно, подъ увцы, восемь аргамаковъ различной масти, съ перьями на головахъ покрытыхъ богатами черпраками, увѣшанныхъ множествомъ серебряныхъ бубенчиковъ, которые звучно звенѣли и бряцали, и воздухъ дрожалъ отъ звонкаго и чистаго звука. Нѣсколько позади князя ѣхало съ десятокъ его знакомцевъ (*), а за конями толпа боярскихъ холопей. Всѣ были одѣты пышно и хорошо вооружены.

Едва только поѣздъ подъѣхалъ къ воротамъ, какъ ихъ растворили настежъ и слуга князя Золотаго, низко кланяясь, проговорилъ:

— Государь, какъ звать, величать твою милость по имени, по отечеству; какъ прикажешь доложить его княжеской милости, знатному боярину, князю Ивану Володиміровичу Золотому.

Квашнинъ далъ знакъ и одинъ изъ его знакомцевъ отвѣчалъ.

— Доложи его милости, князю-боярину Ивану Володиміровичу Золотому, что господинъ нашъ, знатный бояринъ, князь Васи-

(*) Приживальщиковъ изъ бѣдныхъ дворянъ, боярскихъ дѣтей которые жили на счетъ господина.

лій-су Петровичъ Квашнинъ бьетъ ему челомъ и желаетъ видѣть боярскіе его очи.

Слуга съ поклономъ вошелъ въ хоромы, а вся ковалькада, не слезая съ коней, остановилась у воротъ. Князь Квашнинъ гордо сидѣлъ на своемъ конѣ и поводилъ глазами по окружающимъ предметамъ. Но какъ ни зорко онъ вглядывался, а не могъ разсмотрѣть, что изъ высокаго терема, въ полуоткрытое окно глядятъ на него два ясные глаза, жемчужныя слезы блестятъ на нихъ, катятся по бѣлому лицу, росой свѣтлой падаютъ на полъ... и блѣднѣетъ, и тревожится молодая княгиня, прижимаетъ бѣлую руку къ регивому сердцу, а сама шепчетъ про себя.

Не къ добру этотъ гость... чуетъ, чуетъ мое сердце бѣду... Мати, Пресвятая Богогодица, пронеси мимо меня тучу черную, непогодную; не дай бурѣ разразиться громомъ, молоньей

Между тѣмъ съ крыльца показался старый дворецкій въ сопровожденіи дворовой челяди съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ и едва его завидѣлъ Квашнинъ, тронулъ коня и медленнымъ шагомъ въѣхалъ на дворъ. Въ это время на крыльцѣ появился и самъ князь Золотой, поддерживаемый подъ руки своими знакомыми. Изъ уваженія и вѣжливости Квашнинъ и его слуги сошли съ коней при видѣ хозяи-

на, какъ разъ по среди двора, и старый дворецкій, низко кланяясь промолвилъ.

— Государь, нашъ господинъ, князь-бояринъ Иванъ-ста Володиміровичъ, бьетъ челомъ тебѣ и встрѣчаетъ хлѣбомъ солью!

Квашнинъ отвѣсилъ поклонъ и пошелъ безъ шапки къ боярскому крыльцу предшествуемый дворецкимъ. Тамъ гостя встрѣтилъ самъ бояринъ, проговоривъ съ поклономъ.

— Князь войдя въ домъ мой, прошу покорно твою милость отвѣдать моего хлѣба соли и не побрѣзговать ей!

Введя гостя въ свою свѣтлицу, который помолился образамъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, князь Золотой привѣтливо обнялъ его и промолвилъ.

— Здравствуй, князь, дорогой гость! Не ожидалъ я Василій Петровичъ, что меня опальнаго, забытаго, посѣтитъ такая знатность. Говорится пословица: дорого яичко въ красному дню, такъ и ты, князь порадовалъ меня своимъ пріѣздомъ, не устрашился навѣстить опальнаго.

— Я не изъ такихъ людей, Иванъ Дмитріевичъ, отвѣтилъ лукаво гость, чтобы позабыть стрыхъ друзей моего родителя. Прости, что раньше не навѣстилъ, тебя, какъ пріѣхалъ: недосугъ былъ, а главное—не зналъ, гдѣ ты обрѣтаешься.

— Садись, садись, дорогой гость! радушно

ухмыляясь, говорилъ хозяинъ: давненько я уже не видалъ тебя... я былъ уже на возрастяхъ, а ты еще маханькій бѣгалъ а теперь—ишь какимъ молодцемъ сталъ... Слыхалъ я про твои дѣла и во вражьихъ земляхъ... лихо, братъ стоялъ за царя-государя... Эй, человѣки! Сбѣгайте къ боярынѣ да скажите ей, чтобы пришла гостя дорогаго поподчивать!

Вошла боярыня съ подносомъ въ рукахъ который былъ уставленъ разными винами. Хозяйка поклонилась гостю, но снаружи ничего не было замѣтно и ни одинъ хотя бы и подозрительный, взглядъ не могъ открыть ничего особеннаго въ ней. Употребляя неимовѣрное усиліе надъ собой она скрыла страшную борьбу, которая происходила внутри.

— Василій Петровичъ, началъ хозяинъ: это моя хозяйка, Василиса Андреевна! Кланяйся жена, проси князя не побрезгать нашей хлѣбомъ солью. Она и жена низко кланялись. Гость по обычаю, тоже отвѣтилъ поклономъ и выпилъ кубокъ романеи. Съ своей стороны онъ также не показывалъ и виду, что знаетъ княгиню. Вскорѣ послѣ этого она вышла распоряжаться приготовленіемъ къ обѣду, а у мужчинъ разговоръ склонился мало по малу къ государственнымъ дѣламъ того времени.

— Скажи на милость, князь говорилъ хозяинъ: ты былъ въ Москвѣ, какъ приходилъ подъ нее князь крымскій?

— Былъ, Иванъ Володиміровичъ, со вздохомъ отвѣчалъ Квашнинъ и, махнувъ рукой, продолжалъ, прошелъ почти ужъ вотъ годъ, а когда вспомнишь объ этой бѣдѣ, такъ кровью сердце обливается.

— Кой что и я слыхалъ, да вѣдь здѣсь глушь; иной разъ и вздоръ нагородятъ, разскажи мнѣ, коли не въ трудъ тебѣ будетъ... я хоть и опальный а и то служилъ цареву службу, давалъ знать главнымъ воеводамъ, чтобъ скорѣе спѣшили загородить путь нехристямъ, а они только перепирались изъ за родовъ промежъ себя, упустили время, да дали нагрянуть проклятому ворогу.

Гость налилъ себѣ еще кубокъ и, отпивая началъ:

— Да, страшное было время то, Ханъ какъ ты знаешь, бояринъ, перешелъ оку, а царю Ивану Васильевичу показалось это подозрительнымъ... извини; князь я буду съ тобой откровененъ и выскажу все на чистоту, а самъ про себя думалъ: этого добряка только ложной откровенностью и можно задобрить да закрыть глаза! и продолжалъ въ слухъ:—Ему показалось что воеводы измѣнили, хотятъ продать его татарину, а ты самъ уже вѣдаешь, какъ не довѣрчивъ и подозрителенъ грозный царь, что разъ запало въ его умъ, то уже не вырубишь ни чѣмъ. Хорошо. Онъ тогда былъ въ Серпуховѣ, а какъ увидалъ, что ханъ пря-

мо идетъ туда, бросилъ все, заговорилъ что выдаютъ его оставилъ Мосиву безъ войска и ускакалъ къ Ярославлю. Татары подходили къ Москвѣ, а мы съ береговъ-то Оки, тоже бросились са ними, опередили и воеводы стали въ московскихъ слободахъ. Главный воевода въ большемъ полку, князь Иванъ Бѣльскій съ Морозовымъ стали на Варламовкѣ, правая рука подъ начальствомъ Шереметева и Мстиславкаго на Якимовкѣ, а князь Воротынскій на Таганскомъ лугу. Мы, молодежь, а съ нами и князь Воротынскій было говорили воеводамъ, что лучше ударить на вражьихъ дѣтей въ полѣ, а не дожидаться, тамъ, гдѣ негдѣ было развернуться нашей мочи и удали, да лихъ больно—не послушали насъ; ну вотъ мы и дожидались татаръ въ своей клѣткѣ. Живо помню: 24 мая была отличная погода. Красное солнышно такъ и сіяло, такъ и играло на нашемъ оружій и шлемахъ, а въ ратникахъ такъ и ходило ходнемъ сердце, такъ всѣ мы и рвались на ворога, супротивниковъ вѣры православной. Думали, вотъ, вотъ грянетъ удалый бой, но нѣтъ, видно Господь судилъ не то намъ, прогнѣвали его наши грѣхи тяжкіе. Врагъ вмѣто боя, вдругъ зажегъ посады, а самъ знаешь, что тамъ все черныя избы, ветхія, солома на крышахъ, ну вспыхнули они полымемъ, словно зелье пороховое. Черными столбами повалилъ дымъ къ небесамъ,

поднялся вѣтеръ и пошли все писать да валять на чистую. Приступиться было не въ мочь; отъ жару и огня нельзя было стоять на улицахъ, народъ вопилъ, дрогнули и мы... пошла давка, сумятница — все разстроилось и погибло... никто не слушалъ да и слушать было некого, всѣ потеряли голову. Кто бросился въ рѣку и тонулъ, кто хотѣлъ тушить — горѣлъ, а кто падалъ подъ мечемъ татарина. Кое-какъ добрался я до Кремля и только взошелъ туда, какъ сейчасъ же и стали заливать ворота, чтобы не выпускать никого и хоть тутъ отсидѣться отъ хана. Повѣришь ли, бояринъ! черезъ какихъ нибудь три часа, а уже и въ поминѣ не было ни посадовъ, ни Китай города, а народу погибло нѣсть числа, говорятъ до восьми сотъ тысячъ человѣкъ!

При послѣднихъ словахъ князь Золотой грустно опустилъ голову, а Квашнинъ, наливая вина, проговорилъ.

— Да успокоитъ Господь ихъ душеньки!... когда мы со стѣнъ посмотрѣли на городъ послѣ пожара, то увидали одинъ пепелъ да груды человѣческихъ костей въ перемежку съ лошадиными. Нече сказать вышелъ такой денекъ, что не доведись его увидать злому ворогу! Да короче сказать, какъ ушли изъ подъ Москвы татары, такъ людей погибшихъ хоронить было некому, они грудами валялись по улицамъ, а въ воздухѣ страшный смрадъ хоть задыхайся

отъ него. Въ колодцахъ, въ рѣкахъ гнили тѣла христіанскія, пить воды было нельзя!

— Но скажи, князь, отъ чего же ханъ ушелъ и не взялъ Кремль?

— Видно такъ Богу угодно было, а вѣрной причины не знаю.

— А что же царь то—опосля ухода хана?

— Что велѣлъ?...

— Знаю, знаю, князь, гнаться Воротынскому за поганами, и я было примкнулся съ своими холопами, а ужъ поздно: ничего нельзя было сдѣлать... Правда оно, что удалось кой кого отбить изъ полоненныхъ христіанъ, да почитай самая большая часть изъ нихъ такъ и уведена была въ неволю... но нѣтъ; ты разскажи, что послѣ-то?

А опосля вотъ что: приказалъ хоронить и очищать Москву, смирился передъ ханомъ билъ ему челомъ обѣщалъ уступить Астрахань, а пока молилъ не ходить къ намъ..

— Слыханое ли это дѣло, чтобъ самодержецъ Русскій такъ унижался передъ поганымъ татариномъ! съ негодованіемъ воскликнулъ князь Золотой вотъ что значитъ, Василій Петровичъ, удалить отъ себя знатныхъ людей, воеводъ да изгубить ихъ роды. Повѣрь, размычутъ они Русь православную!

— А это какъ Господь доведетъ; князь Мнѣ думается такъ. Хитрый умъ у нашего царя, его ни какъ не разберешь! Мнѣ ка-

жется, что онъ только хитритъ съ ханомъ, отлагаетъ тянетъ время, а потомъ и задастъ ему переполохъ сразу; отольетъ волку овечьи слезы. Вѣдь и то сказать, князь, коли на тебя нападутъ нѣсколько человѣкъ, то какъ нибудь ты силенъ, а нѣтъ нѣтъ, одначе иной и сильно ткнетъ тебя подъ ложечку, по неволѣ засмирѣешь до поры до времени; такъ оно теперь приходится и Ивану Васильевичу: тутъ валяй шведовъ, а тутъ ужъ подымай кулакъ на ляха, тамъ съ зади налетаетъ татаринъ... не разорваться же стать! Окромѣ того царю одинъ жужжитъ въ уши: у тебя-де вотъ гдѣ измѣна другой говоритъ: лучше сымай мнѣ голову, моихъ правъ не замай: нужды нѣтъ что другимъ отъ этого одна тягость, да мнѣ, молъ, хорошо живется; каждый кричитъ и поетъ свое. Не осерчай, княже, но я скажу правду, колибъ мы всѣ были въ согласіи пошли, дѣлать по мысли Ивана Васильевича, такъ мнѣ сдается, что не было бы у насъ ни какой парухи чести.

Князь Золотой немного поморщился: а между тѣмъ слуги уже накрыли столъ въ свѣтлицѣ и дожидались. Хозяинъ поднялся и поклонясь въ поясъ, молвилъ: Прошу, хлѣба соли отвѣдать; чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

Начался обѣдъ. По гостепріимству того времени наши предки всегда старались отличаться своимъ хлѣбосольствомъ которое выражалося въ обиліи чрезвычайно множество

разныхъ похлебокъ, жаркихъ, разсольниковъ, кулебякъ, буженины и тому подобное. Кубки съ крѣпкимъ медомъ и виномъ часто повторялись, и Квашнинъ, разгоряченный виномъ, вдругъ поднялъ кубокъ и молвилъ.

— Выпилъ бы я князь, про здоровье твоей хозяюшки, да безъ нея что то не ладно пить.

Онъ съ намѣреніемъ сказалъ это зная что изъ учтивости хозяинъ не откажется вызвать боярыню оно такъ и случилось, Князь сказалъ слугѣ.

— Сходи къ боярынѣ и скажи, чтобъ она сошла внизъ. Дорогой гость хочетъ пить за ея здоровье, пускай идетъ и подчиваетъ изъ своихъ рукъ.

Прошло съ четверть часа и Василиса Андреевна, въ сопровожденіи сѣнной дѣвушки-снова вошла въ свѣтлицу. Въ рукахъ у нея былъ подносъ съ чаркой. Дворецкій налилъ въ нее вина. Она примочила въ немъ губы и подойдя сперва къ гостю поклонилась въ поясь и поднесла рюмку. Онъ смотрѣлъ на нее огненнымъ взглядомъ, но не увидалъ ни какого смущенія и тѣни безпокойствія въ ея прекрасныхъ глазахъ; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ у ней, и красавица, поднявъ глаза, смѣло смотрѣла ему въ очи, Это спокойствіе озлило Квашнина. Угостивъ его, она также

обратилась къ мужу. Совершенно повеселевшій хозяинъ вдругъ сказалъ:

— А что дорогой гость, коли не побрезгуешь, такъ по старому, по русскому обычаю поцѣлуй-ка жену мою Василиса подойди-ка къ большому мѣсту!

Гость внутренно задрожалъ отъ радости: глаза его метнули молніею. Задрожали ноги у княгини, она поблѣднѣла, но это было только на одно мгновеніе, которое успѣлъ однако примѣтить гостьи ничего не замѣтилъ просто душный хозяинъ, княгиня сдѣлала надъ собой неимовѣрное усиліе и творя молитву, стала у печки, смѣло глядя въ очи подходящему, первый подошелъ мужъ, поклонился ей въ ноги и поцѣловалъ. За нимъ пошелъ Квашнинъ. Поклонившись, онъ коснулся губъ боярыни и позабывъ, приличіе такъ и впился въ нихъ; къ счастію, что этого не замѣтилъ мужъ, говорившій что-то дворецкому относительно угощенія княжескихъ слугъ. Губы красавицы горѣли и дрожали, когда къ нимъ прикоснулся гость но она по видимому была холодна и исполняла только обыкновенный лишь обрядъ. Наконецъ пытка кончилась Княгиня была отпущена, а хозяинъ съ гостемъ снова сѣли за столъ. Уже поздно, къ вечеру, поднялся князь Золотой и молвилъ.

— А что, князь, не порали и отдохнуть... постели намъ приготовлены.

И говоря это, онъ повелъ гостя въ опочивальню.

ГЛАВА VI.

Сторожевые казаки. Быль. Вѣста. Злой человѣкъ. Недобрыя мысли. Мужъ и жена. Благословеніе. Княжеская рѣчь.

Наши южныя границы никогда не были безопасны отъ хищныхъ набѣговъ татаръ, было ли то мирное время, или война. Каждый годъ ихъ шайки врывались въ предѣлы государства и грабили. Конечно при Иванѣ Васильевичѣ это было труднѣе для нихъ, но съ послѣдняго московскаго погрома дерзость ихъ усилилась снова и они смѣлѣе подняли свои головы. При томъ ихъ ободряло и то, что въ улусахъ хорошо знали о желаніи хана снова повторить свое нашествіе на Русь и отнять отъ Грознаго Казань и Астрахань давно уже завоеванные имъ. Но это вторженіе предвидѣлъ и самъ царь, и потому на этотъ разъ не дремалъ. Въ укрѣпленные оковы подъ Серпуховымъ, гдѣ обыкновенно переправлялась татарская орда, такъ какъ тутъ было самое удобное мѣсто, собирались уже русскіе отряды изъ всѣхъ служивыхъ людей; главный воевода знаменитый герой князь Воротынскій былъ уже на пути сюда, и по его

приказанію въ степи были высланы сторожевые казаки для наблюденія за движеніями враговъ. Въ степи изрѣдка росли высокіе дубы; тамъ подъ каждымъ деревомъ въ это время можно было увидать двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держалъ ихъ за узду, а товарищъ сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидавъ пыль, слезаетъ немедленно садится на лошадь скачетъ, къ другому дубу, кричитъ издали показываетъ рукою своему товарищу, гдѣ видѣлъ пыль, сторожъ этого дерева велитъ стоящему внизу скакать къ третьему дереву съ вѣстью, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до перваго воеводы.

Въ тотъ день,—а это было въ началѣ іюня 1572 года,—какъ пировалъ Квашнинъ у князя Золотого, сторожевые казаки примѣтили какъ въ степи сильно и подозрительно колышется ковыль да вьются голодныя птицы степныя и тотчасъ подали сигналъ объ опасности. Эта вѣсть прежде всего достигла и до людей князя. Еще бояре опочивали; какъ между дворней была сумотоха: кто бѣжалъ къ лошадямъ и засыпалъ лишнюю мѣрку овса, кто началъ навастривать ножъ, косу а кто пересматривалъ и верховую сбрую.

Видала эту суету и челядь Квашнина удивилась и одинъ изъ холопей спросилъ.

— Да что это, братцы; вы готовитесь али въ походъ собираетесь?

— А ты рази не слышалъ, отвѣчалъ холопъ Золотаго, что татарва въ степи показалась.

— Такъ что-же, на то есть воеводы.

— Воеводы! передразнивалъ его другой княжескій дворовый. Ты говоришь ровно дьякъ, который обираетъ міръ, лежитъ на печи, а придется постоять за вѣру, такъ и ссылается на другихъ... нѣтъ, братъ, у нашего князя такъ говорить не моги.

— А что же?

— Да вотъ и то, какъ услышитъ, такъ и влѣпитъ тебѣ въ спину, что вѣкъ будешь помнить да почесываться. Намъ, другъ это не впервые, какъ прослышемъ про нехристей, такъ и на коней, у князя ужъ не зѣвай!

Въ то время, какъ происходилъ подобный разговоръ здѣсь, въ почивальню прошелъ съ встревоженнымъ лицомъ Михѣичъ и осторожно началъ будить боярина.

— А?... что, потягиваясь, проговорилъ гигантъ.

— Боярин, вѣсти пришли.

— Откуда?

— Изъ степи.

Князь вскочилъ. Сонъ мигомъ слетѣлъ съ него при этихъ словахъ. Упершись руками

на колѣна, онъ вопросительно смотрѣлъ на своего старика.

— Казаки-атаманы дали знать, что татарва показалась, отвѣчалъ онъ.

— Нехристь поганая! вскричалъ князь и глаза его засверкали. Михѣичъ живо распорядись, чтобъ къ ночи все было готово, съ первыхъ пѣтуховъ я иду въ степь.

Тутъ онъ распросилъ о направленіи гдѣ показалась орда; отдалъ нужныя приказанія и поспѣшно пошелъ къ своему гостю. Тотъ еще спалъ. Князь растолкалъ его: сѣлъ въ ногахъ и веселымъ голосомъ проговорилъ;

— Ну, Василій Петровичъ, счастливъ твой пріѣздъ знаешь ли новость?

— Какую, князь?

— Сейчасъ дали вѣсть, что татарвы въ степи.

— Такъ чтожъ?

— Такъ что? славный случай плечи размять, отъ родной сторонушки супостата отогнать.

— Ладно. Но если сила, а ну такъ вся орда показалась, вѣдь намъ что-то готовитъ ханъ, какъ я слышалъ.

— Нѣтъ, бояринъ; я уже здѣсь достаточно живу и знаю, что это какіе нибудь передовые; а на ихъ у меня хватитъ молодцовъ, не въ первые мнѣ схватываться тутъ одному

противъ четырехъ, а Господь всегда былъ на моей сторонѣ.

— Самъ случай помогаетъ мнѣ! подумалъ князь Квашнинъ, а потомъ сказалъ въ слухъ а что, бояринъ, рази и мнѣ съ тобой идти да помозолить руки, а то они больно побѣлѣли, словно у красавицы какой.

— Я затѣмъ-то и безпокоилъ твою милость, радостно молвилъ хозяинъ, въ ночь уже за Окой буду.

— А много ли народу съ собой берешь?

— Молодцовъ сотни двѣ наберется,

— Ну—моихъ три десятка... но какъ же здѣсь-то кто останется про всякій случай?

— Съ десятка два останется съ моимъ Михѣичемъ, здѣсь крѣпко да и дороги нѣтъ мимо... такъ ѣдешь, князь, что ли?

— Иду.

— По рукамъ!

И князья ударились. Но какая-то зловѣще насмѣшливая улыбка играла на лицѣ князя Квашнина и черная дума тѣснилась въ его головѣ.

— Василій Петровичъ, теперь не обезсудь Ты ступай въ большую избу и выбирай себѣ броню оружіе, а я пойду распоряжусь, да и къ хозяйкѣ загляну.

Онъ ушелъ. князь Квашнинъ злобно и ревниво посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и тихо прошепталъ

— Ишь, медвѣдь какой! Но стой пріятель видно насъ свела съ тобой злая судьба... Не владѣть тебѣ болѣе Василисой Андрѣевной;

да, простись съ ней. Голубушка, какъ не крѣпится, но я вижу, — она любитъ меня, неволей только должна покориться этому тюленю... нѣтъ, я чувствую, что жить не могу безъ нея... эхъ пропадай и моя боярская честь, что не честно отплачу за княжескую хлѣбъ и соль. Но чтожъ мнѣ дѣлать, иначе не могу не совладаю съ собой.. вѣдь кажется такъ бы и вырвалъ бы сердце изъ этого князя когда увидалъ, какъ онъ распоряжается ей... Ну, что будетъ, то будетъ, а отъ боярыни не отступлюсь, благо и случай подвернулся.

И злыя мысли заходили въ головѣ развращеннаго человѣка. Одна другой бурнѣе проносились онѣ въ его головѣ, когда онъ ходилъ по избѣ и выбиралъ себѣ оружіе.

Между тѣмъ князь Золотой вошелъ къ женину опочивальню и засталъ княгиню, читающую библію. При входѣ его она взглянула на князя. Онъ сказалъ:

— Голубушка моя ясная, я ѣду нынче въ степь.

Она вздрогнула, поблѣднѣла и схватилась за сердце.

— Не пугайся мой жаворонокъ милый...

— О господинъ мой, что скажу тебѣ? какъ могу остановить тебя?

— Напрасно, моя ясынька! нельзя сидѣть мнѣ сложа руки, словно баба, коли нехристи несутъ гибель православнымъ.

— Нѣтъ, князь, я не то хотѣла сказать, но что-то чуетъ мнѣ бѣдное сердце, что случится какая то бѣда.

— Отбрось, голубка, черныя мысли. Не въ первые иду биться; авось помилуетъ Господь, да выручитъ добрый конь и твердая рука!.

Князь гордо обвелъ глазами вокругъ.

— Могучъ ты. соколъ, вѣдою; но всяко случился можетъ... охъ сердце, бѣдное мое сердце! что такъ ноешь, изныеаешь во мнѣ.. Милый другъ мой, исполни мое желаніе, коли можно, неходи въ этотъ разъ въ далекую степь обожди!

— Не могу! рѣшительно отвѣтилъ онъ. Княгиня взглянула ему въ очи и увидѣла, что никогда онъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Тяжкій вздохъ вырвался изъ ея груди; опустились низко ея русыя рѣсницы, изъ подъ нихъ выкатилась блестящая слезинка, да такъ и застыла, катившись по щекѣ. Она проговорила тихо и жалостливо:

— Да будетъ во всемъ воля Господня. и твоя, господинъ!... Но скажи, ѣдетъ гость съ тобой вашъ?

— Да, тридцать его молодцевъ мнѣ славная подмога, и я могу оставить здѣсь добрую оборону про всякій случай.

— При этихъ словахъ княгиня вздохнула свободнѣе и казалось, какая-то тяжесть отва-

лилась отъ ея груди. Она встала и торжественно нѣжнымъ голосомъ проговорила.

— Князь и господинъ мой, дозволь благословить тебя въ опасный путь.

— Изволь дитятко; исполни обрядъ. Божья помощь никогда не лишняя.

Княгиня подошла къ иконостасу, достала оттуда серебряный складень съ пресвятымъ Покровомъ и, осѣнивъ имъ мужа, серебристымъ голосомъ прозвучала:

— Да осѣнитъ тебя Своимъ покровомъ святымъ Царица Небесная! Да спасетъ Она твою душу и тѣло отъ козней врага рода человѣческаго и отвратитъ вражью стрѣлу отъ груди твоей Пресвятая Богородица, будь намъ защитницей и помощницей отъ всякихъ напастей!

Князь перекрестился, поцѣловалъ образъ и потомъ надѣлъ себѣ на грудь. Простясь съ женой онъ вышелъ изъ избы на дворъ: тамъ уже все кипѣло, суетилось и бѣгало. Онъ приказалъ позвать священника и совершить напутственный молебенъ. Когда это было окончено, князь Золотой, оборотясь къ толпѣ челядинцевъ, громкимъ и строгимъ голосомъ сказалъ:

— Добрыя молодцы, вѣрные мои слуги! Идемъ мы теперь перевѣдаться съ противникомъ вѣры православной да злодѣемъ земли русской! Можетъ статься, что многимъ изъ

насъ не доведется и положитъ голову на широкомъ полѣ, но вѣдайте, смерть за Христа, православнаго царя и святую родину краше всего; воспріемъ бо вѣнецъ мученическій, опасенія душамъ и вѣчный небесный рай. Такъ запомните крѣпко мое твердое слово, въ бою не пятиться, стоять какъ единъ, а кто сдѣлаетъ шагъ назадъ да замѣчу—такъ тому самъ своими руками раздроблю голову.

Слова князя сильно подѣйствовали на толпу и въ ней раздались восклицанія.

— Не поддадимся татарвѣ! Лучше поляжемъ костями, а не побѣжимъ... Князь! куда поглядишь ты, туда и наши головы!

— Добре, добре!... теперь идите съ миромъ отдохните, а какъ крикнетъ пѣтухъ, будьте готовы

ГЛАВА VII.

Походъ. Черная немочь. Степная битва.

Едва раздался голосъ ночнаго вѣщуна, какъ оба боярина вышли на дворъ, гдѣ уже вся толпа челядинцевъ конная и пѣшая была выровнена, раздѣлена на сотни и десятки. Князья вскочили на коней, перекрестились и Золотой князь громко вскрикнулъ.

— Съ Богомъ

Повернувъ коня и выѣхалъ мѣрнымъ шагомъ за ворота. Ночь была ясная лѣтняя. Мертвое спокойствіе царило кругомъ, глухо отдавался но дорогѣ лошадиный топотъ и мѣрные шаги княжеской рати. Всѣ долго шли берегомъ рѣки, потомъ вступили въ лѣсъ и сквозь него направились къ переправѣ. Начало свѣтать. Рѣка опять выглянула изъ за деревьевъ и дружина начала выходить на берегъ, гдѣ можно было и обыкновенно всегда переправлялись Но тутъ, внезапно, случилось одно происшествіе приведшее въ замѣшательство всѣхъ. Князь Квашнинъ былъ до сего времени веселъ, разговорчивъ и безъ умолку говорилъ съ Золотымъ, ѣдучи рядомъ съ нимъ Но тутъ вдругъ лице его поблѣднѣло, глаза закатились подъ лобъ, пѣна выступила изъ рта, онъ закачался съ седлѣ и непремѣнно грохнулся бы о земь если бы во время не подхватилъ его Золотой и не поддержалъ его. Все замутилось.

— Что съ тобой, Василій Петровичъ? съ испугомъ спросилъ князь; но Квашнинъ ничего не отвѣчалъ, а продолжалъ судорожно вздрагивать и биться. Въ это время подъѣхалъ его стремянной, а слуги особенно какъ-то переглянулись промежъ себя

— Батюшка князь, промолвилъ стремянной: у нашего боярина приключилась черная немощь....

— Что ты говоришь... оборони Господи! перекрестяся, промолвилъ князь Золотой:

— Это его, боярина испортили...

— Эхъ, жаль молодца! а долго бываетъ это съ бояриномъ?

— День, другой, а иногда и поболѣ.

— Жаль, а молодецъ... въ бою десятка стоитъ... ну, дѣлать нече; эй вы, Квашнинскіе, выходи десять человѣкъ.

Тѣ вышли изъ строя.

Вы, и стремянной боярскій вернитесь съ княземъ ко мнѣ домой да накажите Михѣичу, чтобъ онъ берегъ и ходилъ за нимъ, какъ будто это я самъ лежу; да еще скажите, чтобъ онъ замѣсто васъ выслалъ за мной столько же человѣкъ, а вы побудьте уже у меня... ишь грѣхъ какой случился... бѣдняга, какъ ломаетъ его... носилки сдѣлать, живо!

Стали дѣлать изъ вѣтвей носилки, а стремянной квашнина спросилъ:

— А какъ-же, батюшка князь, твои холопья найдутъ твою милость?

— Объ нихъ не заботься. Они люди привычные, пути имъ свѣдомы, и мой слѣдъ найдутъ.

Сдѣлали носилки. Положили на нихъ больнаго и небольшой отрядъ повернулъ назадъ; за нимъ повели княжескаго аргамака.

— Это не къ добру, послышалось между

оставшимися. Услыхалъ это Золотой, громко молвилъ, чтобы ободрить своихъ.

— Молодцы! Божественныя тайны никому не вѣдомы, а намъ неминовать своей судьбы! Да будетъ съ нами Богъ! Впередъ!

Онъ повернулъ коня и началась переправа. Они вступили съ степь. Кругомъ все было пустынно и уныло. Не видѣлось нигдѣ лѣса, а бугристую и холмистую степь покрывалъ только травяной ковыль, который здѣсь разростался такъ, что скрывалъ и человѣка и коня. Въ травѣ не замѣтно было какъ двигался отрядъ, и только виднѣлось, какъ сильно волновался ковыль и огромная, черная полоса словно змѣй, изгибала ь и извивалась по верхушкамъ растеній. Но за то все пахло ароматомъ; здѣсь вольнѣе дышалось, чище былъ воздухъ и разгульнѣе билось человѣческое сердце.

Князь хорошо зналъ всѣ татарскіе лазы, а потому вѣрно шелъ съ отрядомъ въ томъ направленіи, какъ разсказали объ этомъ казаки; но идя цѣлый день онъ не встрѣтилъ врага и къ ночи остановился на отдыхъ. Для безопасности князь не приказалъ разводить огня и велѣлъ соблюдать тишину. Прошло не мало времени, издали стали приноситься дикіе звуки, на которое князь Золотой обратилъ все свое вниманіе сталъ прислушиваться.

— Эге, прошепталъ онъ, мы ищемъ, а не-

христи недалеко... это ихъ дудки... ишь наяриваютъ... Эй, Егоза, обернувшись сказалъ онъ тихо своему сотенному; я пока здѣсь подожду и изготовлюсь, а ты возьми-ка половчѣе молодца два, да и повысмотри впереди.

Егоза съ троими молодцами тихо отдѣлились отъ отряда и скоро исчезли въ ночной мглѣ. Все было тихо; только воздухъ заунывно дрожалъ, потрясаемый звуками татарской чинбузги.

Такъ прошло около трехъ часовъ, какъ вдругъ изъ травы вынурнулъ Егоза съ товарищами и подойдя къ князю, сказалъ:

— Все высмотрѣно государь, Татарва верстахъ въ четырехъ отселева. Кибитокъ немного, такъ будетъ—на тысячу нехристей... табуны пасутся въ степи... сторожа дремлютъ, видно, не чуютъ поганые, что ясныя соколы близко.

Князь нахмурился и погрузился въ себя, обдумывая планъ нападенія, черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Егоза возьми человѣкъ двадцать челяди, зайди по вѣтру, да зажги степь, чтобъ табуны бросились на кибитки, ступай живо!

Потомъ онъ раздѣлилъ свой ополченный отрядъ на двѣ части, одну повелъ самъ, а другой, подъ начальствомъ двухъ десятниковъ, самыхъ расторопныхъ парней приказалъ ударить съ боку на татарскій станъ въ то вре-

мя, какъ онъ напретъ спереди. Весь успѣхъ нападенія князь Золотой разсчитывалъ на внезапность и смѣлый ударъ. Всѣ поднялись и двинулись.

Егоза подползъ близко къ вражьему стану. Не подалеку отъ него сидѣло нѣсколько татаръ стерегли безчисленный табунъ коней. Татары не очень были осторожны. Они не полагали, что русскіе осмѣлятся появиться въ степяхъ. Егоза тихо шепнулъ своимъ.

— Петръ, Миняй и Андрей, ползите къ табунамъ, спугните коней, зажгите степь да и гоните на станъ, а мы пока перевѣдаемся съ этими нехристями.

И Петръ, и Миняй и Андрей, скрылись въ травѣ. Между тѣмъ, когда это происходило здѣсь, князь приближался къ стану и разсчитывая, что онъ уже не далеко отъ него велѣлъ людямъ остановиться и ждать, условнаго сигнала. Татары по обыкновенію, сохраняя осторожность, тоже не разводили и огней. Всю окрестность освѣщали только ясные звѣзды, да свѣтлоблѣдный мѣсяцъ. Вдругъ, въ недалекомъ разстояніи отъ князя, пронесся по воздуху рѣзкій свистъ: въ тоже мгновеніе вся окрестность потряслась подъ копытами тысячи коней, которые, поднявъ хвосты, раздувъ гривы, сверкая глазами неслись на татарскія кибитки, а степь быстро свѣтилась огненной

струей, которая быстро росла, увеличивалась и съ двухъ сторонъ охватила татаръ.

У татаръ поднялася суматоха.

— Съ нами Богъ! громовымъ голосомъ крикнулъ князь Золотой, выхватя тяжелую саблю изъ ноженъ и описавъ въ воздухѣ ею широкій кругъ.

— За мной, впередъ!

Съ оглушительнымъ ревомъ понеслась за богатыремъ его удалая дружина и врѣзалась въ бѣгущія толпы невѣрныхъ, которые въ страшномъ переполохѣ гибли въ огнѣ, или принимая своихъ за враговъ, рѣзалась между собой. А между тѣмъ огонь шелъ полосой и дальше несся по вѣтру, обращая все въ пепелъ. До самаго утра кипѣла битва; когда совсѣмъ разсвѣло, то большая часть была перебита, другая клала оружіе, и только немногіе бѣжали съ роковаго поля, чтобы оповѣстить свои родимые улусы о гибели братьевъ и сказать, что русскіе бдительны, зорко стерегутъ пути, бьютъ татаръ въ ихъ привольныхъ степяхъ. Побѣда князя была полная.

ГЛАВА VIII.

Обманщикъ. Хитрость. Вѣщій сонъ. Измѣнникъ. Похищеніе.

Посмотримъ, что дѣлается теперь съ княземъ Квашниномъ. Едва только его люди скрылись изъ глазъ всего отряда, какъ Кваш-

нинъ открылъ глаза и звонко засмѣялся. Слуги вторили его смѣху. Князь, сидя на носилкахъ и подхватя животъ, такъ и надрывался, приговаривая;

— Ахъ ты бабень, ахъ ты дурень тюлень жиркый, Иванъ Володиміровичъ! Спасибо, родной, что хоть пожалѣлъ добра молодца, да самъ и отослалъ его къ молодой женѣ.... Дурень, ты дурень! говорится въ пословицѣ; велика Ѳедура да дура, вотъ оно такъ и выходитъ!... ха.... ха.... десятерыхъ, говоритъ. стою въ полѣ, да—конечно—постою за себя. А теперь мнѣ, другъ сердечный, не до твоихъ татаръ. Поди, бей, рѣжь ихъ, на то только ты и годишься, медвѣжій князь, а мнѣ нужно умчать молодую жену Василису Андреевну. Ужъ какъ вырву ее изъ подъ крѣпкихъ замковъ, да какъ свистну, гаркну молодецкимъ посвистомъ, крикомъ богатырскимъ: «Ты и гой еси конь мой удалой, ты явись передо мной!» и откуда не возмется богатырскій конь въ единый мигъ я боярышню схвачу, на коня посажу, самъ въ седельцо боевое полѣ вскочу и умчу лебедку за тридевять земель въ тридесятое государство. Никому ее не дамъ, буду ею любоваться, въ уста алыя цѣловать, косы шелковы ласкать!

Кончивъ этотъ сказочный монологъ, князь опять залился смѣхомъ, а потомъ вдругъ вскричалъ, обращаясь къ холопамъ:

— Что ребята, каковъ вашъ бояринъ, лихо отмочилъ штуку?

— Только тебѣ и выдумать, государь, подхватилъ стремянной: право, опричь тебя никому это въ разумъ не вспадетъ.

Квашнинъ съ самодовольнымъ видомъ погладилъ свою красивую бороду и проговорилъ:

— Коня!

Ему подвели его. Онъ бодро вскочилъ въ сѣдло и началъ отдавать распоряженія къ готовящемуся вѣроломному дѣлу, добавивъ:

— Теперь, пока я поѣду верхомъ, тамъ скорѣе вернемся назадъ, а около боярской вотчины опять улягусь на носилки.... только ты, обратился онъ къ стремянному, скорѣе сбывай съ рукъ стараго дворецкаго съ людьми.

— Ужъ будешь доволенъ, бояринъ, не въ первыя для тебя служить.

— Только смотри, у меня не обмишулиться, да не проговориться, — а тому лучше и не родиться на бѣлый свѣтъ!

Слуги ничего не отвѣчали; но каждый подумалъ про себя.

— Знаемъ-ста тебя, соколъ! не помирволишь ты намъ, коли не угодимъ тебѣ.

Выбравшись на поляну, а оттуда на дорогу всѣ поѣхали крупной рысью. Вскорѣ показались и господскія усадьбы. Квашнинъ легъ на носилки. Когда они взошли во внутрь

двора, то ихъ окружили княжескіе люди и съ участіемъ распрашивали о случившемся.

— Позовите поскорѣе, Артамона Михеича проговорилъ стремянной.

Пошли за нимъ; тотъ въ смятеніи прибѣжалъ, охая и причитая, что случился такой грѣхъ.

— Охъ, не къ добру, человѣцы, говорилъ онъ: не къ добру есть сіе знаменіе.

— Да ты, Артамонъ Михѣичъ, послушай, что наказывалъ со мной бояринъ тебѣ говорилъ стремянной: сейчасъ снаражайся и бери съ собой пятнадцать ребятъ да иди на подмогу боярину. Куда нести князя то?

— А вотъ въ боярскую опочивальню... ахъ, голубчикъ мой, какой недугъ прилучился ему... такъ бояринъ и приказалъ самому мнѣ вести молодцовъ? спросилъ Михѣичъ.

— Безпремѣнно: потому что, говорятъ, старина знаетъ хорошо пути и мой слѣдъ...

— Такъ, такъ... ей, братцы, готовься... ну, а какъ же бояринъ наказывалъ насчетъ обороны?

— Покелева, говоритъ мнѣ, ты правь людьми а какъ оправится князь, такъ онъ самъ уже знаетъ какъ сохранить домъ.

Между тѣмъ Квашнина уже уложили въ постель и дали знать Еремѣевнѣ, чтобъ она пришла къ нему и помогла больному. Узнала про случай и княгиня; и ей отъ чего-то стало

тяжело и грустно. Мрачныя мысли затѣснились въ ея молодой головѣ, и какъ она не раскидывала своимъ умомъ, но ей все происшествіе представлялось предвѣстникомъ чего-то особеннаго, небывалаго страшнаго. Она приказала позвать къ себѣ Михѣича. Тотъ вошелъ къ ней вооруженный, совершенно готовый въ походъ. Боярыня съ удивленіемъ взглянула на него и молвила:

— Куда же ты собрался, Михѣичъ?

— Матушка-боярыня приказалъ бояринъ вести къ нему подмогу.

— А кто же здѣсь останется?

— Да вишь ты, боярыня, случай на дорогѣ приключился съ нашимъ гостемъ, такъ бояринъ на смѣну нашихъ прислалъ съ нимъ его холопей.

— Правда ли это?

— Да какъ тебѣ сказать, боярыня! Не знаю, что то и мнѣ не нравился боярскій наказъ, не лежитъ мое старое сердце къ этимъ гостямъ, да ничего не подѣлаешь, таковъ боярскій наказъ, и перемѣнить его нельзя.

— Не ходи Михѣичъ!

— Да какъ же быть, боярыня? Рази только по приказу твоему — останусь... ну, а вдругъ что случится съ моимъ княземъ, на пасть какая въ пути, тамъ окромя меня, кто подлѣ него есть вѣрный человѣкъ?... Впрочемъ,

воля твоя, боярыня, что повѣлишь, то и сдѣлаю.

Боярыня немного попризадумалась: потомъ, поднявъ свою голову, молвила.

— Ну, инъ, такъ и быть. Михѣичъ, ступай къ боярину, можетъ оно и истина, что необходимъ ты ему въ походѣ; только вотъ что, коли не сыщишь ты его къ полдню, то воротись сюда... слышишь!

— Слышу, боярыня, слышу! отвѣчалъ старый, с. участіемъ глядя на нее...

— А что больной?

— Лежитъ, какъ пластъ, боярыня. Страшное дѣло: пѣна такъ и валитъ дыханіе спирается въ груди. Жаль такого молодца, что у него такая немочь... ну, прости. боярыня, порабы въ путь. непремѣнно исполню твой боярскій наказъ.

Онъ накинулъ на нее опашень и лѣтникъ и схватилъ въ свои руки: отчаянно вскрикнула боярыня и лишилась чувствъ. Подхватилъ ее князь и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы. Внизу, на дворѣ, дожидались его конь и холопи. Князь вскочилъ съ своей ношей въ сѣдло и понесся изъ воротъ, а за нимъ поскакали и его люди. Начинало свѣтать.

ГЛАВА IX.

Страшная новость. Гнѣвъ. Погоня Торжество добродѣтели. Мститель.

Возвратился и князь Золотой. Не смотря на свою удачную побѣду онъ былъ мраченъ и задумчивъ. Встрѣча его съ Михѣичемъ и открывшійся обманъ стремяннаго Квашнина заронили подозрѣніе въ его прямое и откровенное сердце. Онъ началъ тревожно припоминать все и ему стали казаться нѣкоторыя слова гостя и его поступки довольно странными. Онъ началъ торопить коня и людей. Михѣичъ тоже сильно безпокоился. Наконецъ они подъѣхали къ своимъ воротамъ. Съ какимъ то замираніемъ сердца окинулъ князь быстрымъ окомъ все, и не нашелъ ничего подозрительнаго: все было по прежнему.

— Слава Богу, подумалъ онъ: кажется ничего. Отворились ворота. Всадники въѣхали на дворъ, и дрогнулъ князь. Посреди двора стояли на колѣняхъ пятеро его холопей, развязанные женщинами по уходѣ злодѣя и въ то же время послышалось причитанье, завыванье и женской вой, словно оплакивали умершаго, какъ это водилось въ то время.

Судорожно сжалъ князь ногами коня и тотъ въ одинъ мигъ очутился предъ преклоненными слугами. Они почти до земли наклонили свои головы и въ одинъ голосъ сказали:

— Государь нашъ милостивый, твои мы рабы, твоя власть надъ нами, Вотъ тебѣ наши головы, но неповинны мы ни въ чемъ... увели злодѣи боярыню.

— Молчать! загремѣлъ князь: говори одинъ, а не всѣ... Михѣичъ, уйми бабъ, въ плети ихъ—чтобъ унялись, проклятыя

— Михѣичъ бросился исполнять приказаніе. Настала мертвая тишина и среди ея слово до слова выслушалъ несчастный мужъ свое страшное горе, его холопи—безчестное, злодѣйское дѣло. Общій крикъ негодованія вырвался изъ каждой груди, но молчалъ князь и грозенъ онъ былъ. Мощная грудь его высоко подымалась: жилы на лицѣ напружились, глаза налились кровью судорога начала искривлять его губы, ноздри раздулись. Копье задрожало въ его мощной рукѣ; бѣшенымъ огнемъ сверкнули его очи, и онъ съ страшной и невѣроятной силой метнулъ копьемъ въ толстый дубъ. Посвистѣло грозно оно въ воздухѣ и прошло насквозь дерева.

— Такъ будетъ пронзенъ врагъ, измѣнникъ и оскорбитель мой! раздался его голосъ.

— Люди! ревѣлъ онъ, обращаясь къ своимъ, закуйте въ цѣпи холопей измѣнниковъ, они отвѣчаютъ головой за своего господина, если я не найду его! *)

---

* Слова, сказанныя въ духѣ того времени. Исторія говоритъ: Убійца собственнаго холопа наказывался денежной пеня. Благо-

Княжескіе холопи схватили людей Квашнина, не ожидавшихъ подобной развязки. Князь продолжалъ:

Я могъ бы моего поносителя и рушителя чести вызвать на судъ Божій, *) но онъ того, собака, не стоитъ. Я его убью, какъ смердящаго пса и брошу мерзское тѣло его на расхищеніе вранамъ... Человѣцы! взять въ проводники къ логовищу этого хищнаго волка одного челядинца его... За мной, впередъ!

И какъ урганъ, повернувъ своего усталаго коня, онъ вылетѣлъ изъ воротъ, далеко опережая десятка два своихъ конныхъ челядинцевъ которыя, гремя оружіемъ неслись за нимъ; а среди нихъ со связанными руками, прикрѣпленными къ сѣдлу, скакалъ и челядинецъ Квашнина, указывая дорогу.

Быстрѣе вѣтра желалъ бы безчестный похититель уйдти отъ справедливой мести разъяреннаго мужа; но быстроту бѣга его скакуновъ задержала несчастная княгиня. Не привычная ѣзда до чрезвычайности утомляла ее,

---

родные люди воинскіе имѣли еще выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ». *Карамзинъ* т. IX ст. 239.

А въ глуши—при безпорядочности, при неопредѣленности законовъ того времени, эти нравы переходили границы и выражались въ произвольныхъ формахъ. Прим. ав,

**) Судъ Божій допускался въ то время между противниками. Они бились или сами, или нанимали за себя наймитовъ. Побѣжденный обвинялся. Иванъ Грозный старался искоренить этотъ обычай вѣковъ древнихъ,

и она — то приходила въ себя то лишалась чувствъ. Это по необходимости заставляло Квашнина часто и по долгу останавливаться, пока не очувствуется боярыня и не соберется съ силами. Только на другой день, да и то къ вечеру удалось Квашнину прискакать къ себѣ. Влетѣвъ на дворъ, сдавъ боярыню на руки своихъ женщинъ, онъ началъ отдавать приказанія своему стремянному, чтобы тотъ тайно приготовилъ все необходимое къ немедленному отъѣзду въ одну изъ дальнихъ его вотчинъ, чтобы совершенно скрыть свой слѣдъ и вовремя избавиться отъ грозящей опасности. Но съ одной стороны разсчитывая, что преслѣдованіе татаръ очень легко можетъ задержать князя Золотаго: а съ другой, видя крайнее изнеможеніе боярыни, онъ отложилъ отъѣздъ до утра, надѣясь, что и тогда онъ будетъ имѣть время убѣжать. Но низость, и злодѣйство рано или поздно достигнетъ своего предѣла; надъ преступникомъ наконецъ разразится же кара, и онъ самъ не вольно запутается въ своихъ дѣйствіямъ и мысляхъ; такъ точно случилось это и теперь. Грозный мститель мчался по его слѣдамъ и былъ недалеко. День и ночь скакалъ онъ.

Разсвѣтало. Чуть-чуть брезжалъ свѣтъ. Еще все покоилось и въ природѣ и въ смутномъ жилище страннаго человѣка. Чуть-чуть дулъ легкій вѣтерокъ и вода въ рѣкахъ едва колы-

халась и рябила. Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ. Вдали начала заниматься заря. Въ это время подскакалъ къ усадьбѣ Квашнина князь Золотой, и бросивъ коней, отъ огородовъ ползкомъ началъ подбираться къ боярскимъ жильямъ, вмѣстѣ съ своей, челядью и таща за собой, съ завязаннымъ ртомъ проводника. Густая трава дала имъ возможность пробраться незамѣченными въ огородъ и здѣсь раздавъ послѣднія свои приказанія, князь Золотой между грядами, кустарниками, деревьями началъ подкрадываться къ боярскому дому.

Князь порывисто схватилъ жену и выбѣжалъ изъ комнаты на дворъ; гдѣ въ угрожающемъ положеніи стояли его люди, на которыхъ робко посматривала челядь Квашнина.

ГЛАВА X.

Гдѣ доля? Степи. Ночь. Рѣшеніе. Монастырь.

Доля ты доля наша! откуда берешься? Гласитъ народная молва, что она назначена свыше; говоритъ и звучитъ; что свою судьбу ни обѣжишь ни конемъ не перескачешь! Правда ли это, добрые люди? Нѣтъ, мнѣ что-то не вѣрится крѣпко въ этотъ общій законъ.

Создается доля каждаго изъ насъ отъ той окружающей жизни въ которой приходится житье бытье свое коротать. Подъ вліяніемъ,

характеръ человѣка. Если мы твердо держимся тѣхъ преданій, обычаевъ и законовъ, которыми управляется общая жизнь въ данное время и эпоху, тогда мирно текутъ наши земные дни и спокойно движимся мы въ лоно общей нашей матери сырой земли.

И выходитъ оно такъ, что горькая или сладкая наша участь создается отдѣльно каждымъ, самимъ человѣкомъ.

Молча скачетъ ночь и другой день князь Золотой съ своей женой. На короткое только время останавливается онъ, чтобъ дать перевести духъ людямъ и конямъ, подкрѣпить и освѣжить истощенныя ихъ силы. Князь угрюмъ, угрюма и его удалая дружина. Ни что не трогаетъ ихъ, ни привольно цвѣтущая и дышущая всей своей мочью степная природа ни свѣтлые и яркіе лучи дальняго солнца, которые радужными цвѣтами обливаютъ окрестности, ни вѣчно веселые трели воздушныхъ обитателей, которыми полонъ весь окружающій воздухъ.

Къ вечеру другаго дня остановился князь подлѣ одной гущи гигантскихъ лѣсовъ, которыми, въ то далекое время, была полна еще Рязанская область. Остановились на отдыхъ около быстро текущей узенькой рѣчки, на краю обрывистаго берега. Стреножили коней, пустили пастись на сочную траву, а люди разложили огонь и начали варить себѣ ужинъ.

Но гдѣ взять пищи? Выѣхали всѣ внезапно, не зная, что придется пуститься въ дальній путь. И вотъ отдѣлились отъ толпы нѣсколько человѣкъ съ луками и стрѣлами за плечами и скрылись въ первобытной дебри. Прошелъ часъ. Идутъ охотники назадъ и тащатъ съ собой дикихъ утокъ и глухарей, зайцевъ и степную козу. Многообильныя и нетронутыя человѣческой ногой пустынныя мѣста дали людямъ сытный и вкусный ужинъ. Но не видно между ними князя, ни его жены. А вотъ погасли огни ея окрестность озарилась свѣтомъ серебристаго мѣсяца, который выплывалъ изъ лѣса, кинулъ лучи свои на темную поверхность рѣчки и широкой полосой заигралъ на ней, разсыпавъ тысячи разноцвѣтныхъ огней въ ея свѣжихъ и привольныхъ струяхъ. Тогда сталъ видѣнъ и князь Золотой. Онъ сидѣлъ рядомъ съ женой на крутомъ берегу, на огромной колодѣ. Кругомъ нихъ все спало. Была торжественная тишина, перерываемая изрѣдка то фырканьемъ коня то какимъ то пискомъ, проснувшагося лѣснаго жителя.

Оба они сидѣли молча. Ни тотъ ни другой не начинали тяжелаго для себя разговора. Что каждый думалъ изъ нихъ, это одному Богу извѣстно. Но вотъ тихо прозвучалъ голосъ красавицы въ ночной тишинѣ, и она молвила:

— О, господинъ мой, скажи, что хочешь сдѣлать съ женой?

Вздрогнулъ князь, услыхавши эти серебристые, когда-то милые для него звуки, и отвѣчалъ:

— Ты хочешь знать это, лживая жена! Хорошо, я скажу тебѣ. Думалъ я сперва за твой обманъ, за поруху моей чести убить тебя; но теперь разсудилъ иначе, Кто разъ обманулъ меня, съ тѣмъ уже я не могу жить. Напрасно ты не сказала допрежде вѣнца, что любишь другаго, тогда я отступился бы отъ тебя, но ты утаила и доля наша погублена на вѣки. Но что связано Богомъ на земяѣ, того нельзя разрушить нашей силой, и я рѣшилъ отдать тебя въ монастырь. Будешь жить тамъ ты спокойно, молить за грѣхъ свой да вспоминать, что на вѣкъ погубила ты меня... Прости навсегда,

Голосъ его дрожалъ при послѣднемъ словѣ и въ то же время, какая-то тоска прожгла сердце несчастной жены. Въ порывѣ ея она вскрикнула:

— Мужъ мой! мужъ мой! что ты говоришь? Я не такъ виновата, какъ ты мыслишь! ..

— Молчи. Василиса! глухо проговорилъ онъ: ты все время обманывала меня и никогда не любила. Вся твоя жизнь была, одинъ ложный грѣхъ, и отмолить его должна ты строгимъ покаяньемъ. Я глава твой и долженъ смотрѣть за душой твоей.

Онъ умолкъ и отвернулся; а въ это время начали тускнѣть на горизонтѣ свѣтлыя звѣзды, начали показываться на небѣ бѣлыя полосы, и стала пробуждаться усыпленная природа.

И опустила низко голову свою боярыня; и горькія слезы закапали на траву изъ ея очей, а въ сердцѣ вдругъ все похолоднѣло и какъ будто заныло и потомъ мгновенно замерло. Болѣе ничего не промолвила она своему неумолимому мужу, не просила не молилась напрасно ему: не взглянулъ и онъ на несчастную. Но замѣтивъ, что все просыпается, онъ крикнулъ звучнымъ голосомъ.

— Гей молооцы, сѣдлай коней!

Поскакала, челядь; распутала лошадей, приготовила и князь снова помчался въ путь.

Къ полудню вся труппа всадниковъ выѣхала изъ лѣса и передъ глазами ихъ открылась холмистая поляна, гдѣ на самомъ высокомъ холму возвышались бревенчатыя стѣны монастырской обители, а изъ за нихъ выглядывали три кумпола небольшихъ церквей. Кругомъ все было пустынно и мрачно. Всюду виднѣлся только лѣсъ, да травянистая степь.

Около монастырскихъ воротъ остановились всадники, князь постучался въ нихъ. Старая привратница отворила ихъ и съ изумленіемъ глянула на пріѣхавшихъ.

— Мнѣ нужно видѣть мать-настоятельницу,

промолвилъ угрюмо князь: скажи ей, сестра, что пріѣхалъ князь Золотой.

Черезъ нѣсколько минутъ воротилась привратница и впустила князя съ его женой. Скоро вернулся и онъ, но, одинъ. Видъ его былъ унылъ, однако покоенъ и въ глазахъ свѣтилась рѣшимость. Медленно сѣлъ князь на коня, повернулъ его и не оборачиваясь назадъ, тихимъ шагомъ поѣхалъ прочь.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Смерть.

Стоялъ конецъ Іюля. Татарскій ханъ Девлетъ Гирей съ своими полчищами вторгнулся въ Московское государство, чтобы рѣшить споръ о Казани и Астрахани не бумажной перепиской, а изустно, лицомъ къ лицу. Идутъ орды татарскія отъ Дона и Волги, дрожитъ привольная степь подъ копытами безчисленныхъ табуновъ ихъ, мчатся невѣрные враги вѣры православной, мимо испепеленныхъ, въ прошломъ году, русскихъ городовъ и селъ. Велика сила татарская! Слаба мочь русская — не смѣетъ показаться передъ грознымъ ханомъ, загородить ему путь. Но вотъ засверкали блестящія струи широкой Оки, а тамъ, въ окопахъ, стоитъ князь Воротынскій и заступаетъ дорогу татарамъ. Нельзя здѣсь имъ пе-

рейти черезъ рѣку. Поворачиваютъ несмѣтные татарскіе полки въ другую сторону, ищутъ новой переправы. Сыскали и ихъ бунчуки, и копья, словно лѣсъ дремучій, колышутся уже на другой сторонѣ Оки, въ самой Руси. Какъ бурныя волны неудержимо несутся враги по родной землѣ; стонъ и плачь раздается по ней. Но стойте враги! Выходитъ изъ окоповъ князь Воротынскій, старый герой, мчится какъ вихрь за татарами и вступаетъ въ бой на берегахъ Лапасни перваго Августа тысяча пятьсотъ семдесятъ втораго года. Закипѣла кровавая сѣча. Бьютъ наши витязи за все, что дорого и мило имъ въ жизни: за вѣру, родину, царя, отцовъ, милыхъ женъ и дѣтей. Бьютъ невѣрные, чтобы очистить себѣ путь въ родимые улусы назадъ. Идетъ бой не на животъ, а на смерть съ обоихъ сторонъ. Сѣкутся и рубятся въ схваткѣ отчаянной враги. Кто одолѣетъ? то погнутся татары, то дрогнутъ и наши; двигаются рати и взадъ и впередъ. Но вотъ заходитъ узкой долиной, въ бокъ непріятелю князь Золотой; съ крикомъ громовымъ летитъ на врага и гонитъ его, какъ робкое стадо. Сила — слабѣетъ; его мочь — погибаетъ; Русь — торжествуетъ!

И среди этой гибельной битвы, въ самыхъ гущахъ татарскихъ, мечется витязь. Грозно и страшно разитъ онъ врага. Но вдругъ зазвенѣла, провизжала по воздуху татарская стрѣл-

ка, угодила она въ самое сердце русскому витязю; заметался въ сѣдлѣ богатырь ухватился за гриву коня и свалился на сыру землю.

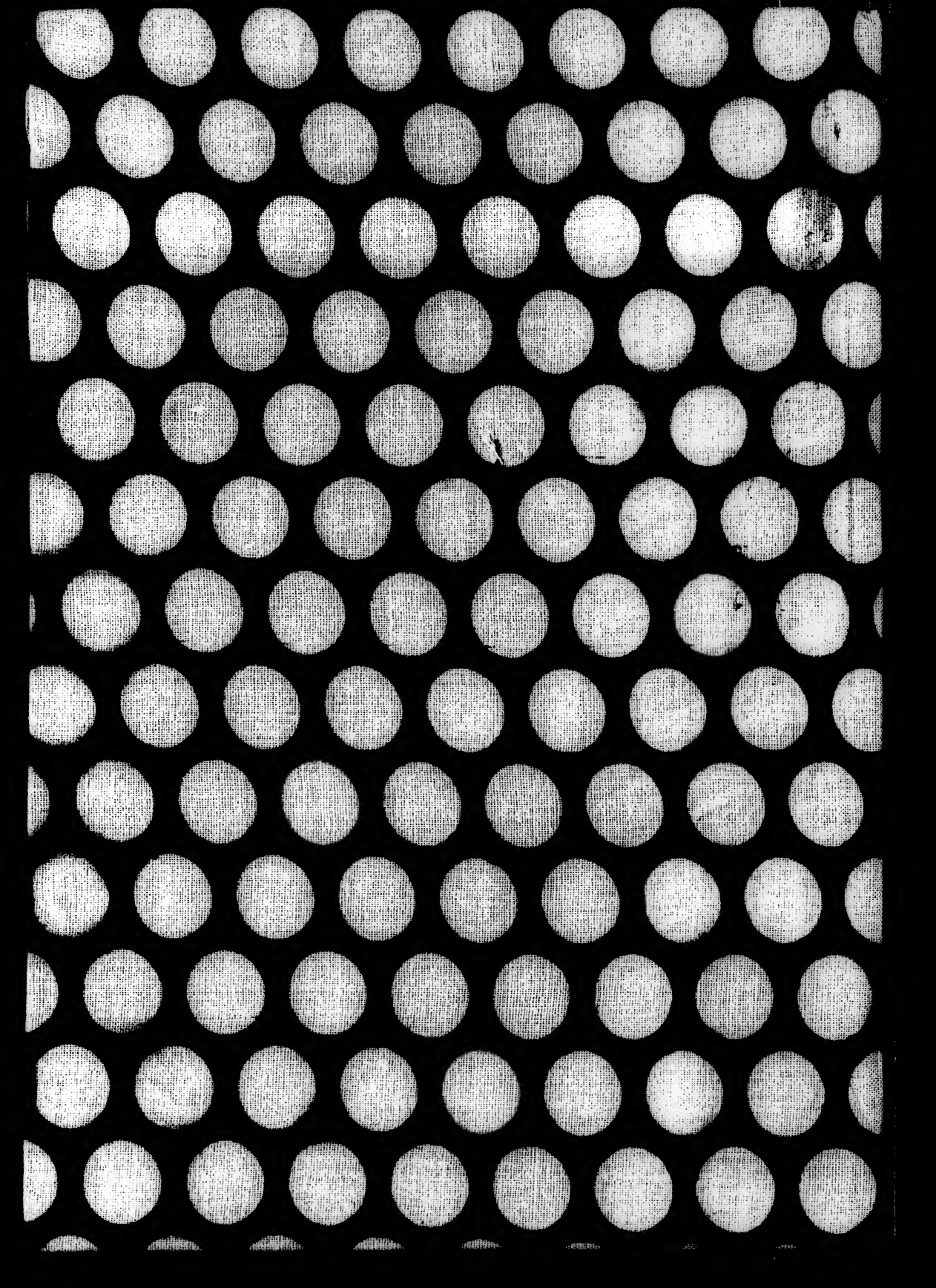
Подхватили витязя воины подъ бѣлыя руки, понесли его подъ ракитовъ кустъ, положили на персидскій коверъ. Прижимаетъ свою рану кровавую, рану смертельную русскій богатырь, говоритъ онъ рѣчь друзьямъ, боевымъ товарищамъ:

— Положите-ка, по праву мнѣ рученьку, саблю острую, а по лѣвую мой тугой лукъ, а въ ноги поставьте моего боеваго коня, чтобъ умереть, какъ жилъ, витяземъ. Други братцы, вы товарищи, какъ пойдете къ царю батюшки, поклонитеся ему и скажите, что не стало его опальнаго боярина, князя Золотаго, что сложилъ онъ свою голову въ честномъ бою, средь пира кроваваго. Да зайдите вы во дѣвичъ монастырь, поклонитесь новой пострижницѣ, сестрѣ Маріи, да промолвите ей: а женился князь Золотой на другой женѣ: онъ въ приданое взялъ поле чистое; была свахою калена стрѣла, положила спать сабля острая.

Тутъ раскрылась у витязя рана смертельная, закатилися очи ясныя, блѣдность смертная осѣнило лицо.

Умолкъ голосъ; душа вылетѣла.

Конецъ.

W381.5917B-S1

W117115